

18+

ВАЛЕНТИН ЕГОРОВ

Без права на ошибку

КНИГА ВТОРАЯ

Валентин Егоров

Без права на ошибку. Книга вторая

«Издательские решения»

Егоров В. А.

Без права на ошибку. Книга вторая / В. А. Егоров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985693-7

Жизнь — это очень сложная вещь, особенно для молодого человека, попавшего в самое горнило Великой Отечественной войны. Судьба Ваську свела с опытным немецким диверсантом Альфредом Нетцке и поступила таким образом, что объединила разум русского парня с разумом немецкого лейтенанта. Сначала они просто выживали, потом подружились, а затем начали свою войну за сохранение человечества.

ISBN 978-5-44-985693-7

© Егоров В. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	12
3	18
4	25
Глава 2	29
1	29
2	33
3	39
4	44
Глава 3	48
1	48
2	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Без права на ошибку

Книга вторая

Валентин Александрович Егоров

© Валентин Александрович Егоров, 2020

ISBN 978-5-4498-5693-7 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-5694-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1

Васька открыл глаза, долгое время не мог сообразить, где же он сейчас находится, почему вокруг него стоит такой громкий ухающе-свистящий шум. Да и обстановка ему показалась незнакомой, тревожной, беспокоящей! В ушах у него постоянно звучал какой-то непонятный звук рокота, он действовал ему на нервы. Это ухающий рокот не позволял ему сообразить, сколько времени прошло с того момента, как он потерял сознание. Ему показалось, что этот рокот мешает ему думать, что он в нем тонут все его мысли, что он их никак не может услышать! Да и к тому он не понимал, почему его так трясет, то и дело его бросало из стороны в сторону. Хуже всего ему приходилось, когда его это что-то поднимало его вверх, а затем резко бросало вниз. От такой встряски Васька почувствовал, что его вот-вот вырвет, что его желудок всеми силами старается освободиться от содержимого. Слава богу, что в настоящий момент он был пуст, в нем ничего не было. Васька даже и не попытался вспомнить, когда последний раз нормально питался. Он приложил немалые усилия для того, чтобы успокоиться, чтобы не обращать внимания ни на кружение головы, ни на встряску и ни на свое желание отблевать.

На долю секунду Васька задумался, пытаясь сообразить, где он все же находится, что с ним происходит? Но сколько бы он не напрягал своей памяти, так и не смог вспомнить, как оказался в этом ужасно громко шумящем, стонущим, ухающим помещении?! К тому же этому парню показалось, что его память совершенно пуста, что она ни на что не реагирует, в ней не было ответов на все его вопросы! Словом, как бы не старался, он так и не смог вспомнить, что же с ним происходило до недавнего времени, почему он вдруг оказался в этом помещении?!

Ваське вдруг показалось, что в данный момент он сам, его память чем-то напоминают колоду тщательно кем-то перетасованных игральных карт! То есть, эта колода игральных карт свой секрет раскроет только при полном раскладе, только тогда он сможет все вспомнить! То есть его память постепенно будет сама собой возрождаться! Васька почему-то был уверен в том, что на данный момент в его памяти хранится немало полезной информации, нужно было бы ее только вспомнить. Что вся эта информация со временем, по мере развития событий будет снова, но понемногу активироваться!

В данный момент Ваське очень захотелось узнать, где же он находится! На эту попытку он бросил все свои внутренние силы! В этот момент скамейка под ним вдруг снова напомнила о своем существовании. Она ему довольно-таки жестко поддала под зад, что он вместе с ней высоко взлетел едва ли не под самый потолок, своей головой его едва не коснулся. Но в этот момент скамейка так же, как и взлетела, не менее стремительно рухнула вниз, Васькин желудок тут же напомнил о своем существовании, позывами к рвоте. Подавив в себе эти позывы, парень, сам того не желая, своей головой начал мотать из стороны в сторону, то право, то влево.

Только приземлившись вместе со скамейкой на пол, Васька обратил внимание на то, что он находится в помещении полукруглой формы. Оно имело вытянутую овально-продолговатую форму, потолок этого помещения был выполнен в форме свода, в стенах были прорезаны овальной формы окна. Да и сами стены не были идеально прямыми. Наоборот, они имели вогнуто-кривую форму.

До глубины души удивленный всем увиденным, Васька продолжил осмотр этого помещения. По его сторонам были на стенах были закреплены странные откидные сидения. Они чем-то напоминали сидения в кинотеатрах, разве что эти сидения не имели ни спинок, ни подлокотников, да и все они были сделаны из металла. Между сидениями имелся широкий проход,

по нему могли бы одновременно пройти три человека плечом в плечо. Но самым удивительным оказалось то, что все в этом помещении и оно само было металлическим. К тому же металлический пол помещения постоянно дрожал, вибрировал, издавая отвратительно противный звук железного лязга, железного грохота.

В какой-то момент Ваське показалось, что в его голове что-то слегка прояснилось, что в ней вдруг появились какие-то первые мысли! Их было не так уж много, но, по крайней мере, одна мысль начала цепляться за другую мысль, образуя логическую цепочку, то есть Васька начал соображать, размышлять! Эта первая логическая цепочка помогла ему первую мысль продумать до конца. Он сообразил, пришел к пониманию того, что в данный момент он находится в салоне самолета. Но парень понятия пока еще не имел, что же это был за самолет, куда он летит, почему он сам вдруг оказался на его борту?

В этот момент Васька, пока он размышлял, попытался выпрямиться. Ему захотелось принять более удобную позу, а не сидеть, держа голову между коленями. Позу своего тела он собрался изменить потому, что хотел более внимательно рассмотреть салон самолета, на борт которого его занесла сама судьба! Но за его спиной ему что-то помешало выпрямить спину. Просунув правую руку за спину, там Васька нащупал какой-то мешок. Когда он попытался этот мешок-помеху вытащить из-за своей спины, то тут же убедился в том, что он, этот мешок, был крепко-накрепко закреплен на нем ремнями-лямками. Они перекрещивали его грудь, проходили между ног. Повернув голову, как можно более назад за спину, Василий попытался рассмотреть, что же это был за мешок, так ему мешавший. Единственное, что ему удалось рассмотреть, что это все же был не мешок, а какой-то ранец, но для чего он был предназначен Васька пока еще не успел догадаться!

Желание разобраться с помехой, мешавшей ему выпрямить спину, заставило Ваську обратить внимание на то, во что же он был одет. На нем был странный, но хорошо утепленный комбинезон светло-зеленого цвета. Вверху этот комбинезон имел капюшон, в низу он переходил в брюки с широкими, но короткими штанинами, они были ему всего лишь до колен. На локтях, на коленях комбинезон имел ватные наколенники и нарукавники для предохранения от ударов и ушибов. На его ногах были черные ботинки со шнуровкой едва ли не до колен, голенища ботинок прикрывали всего голень ноги. На руках были одеты рукавицы с крагами по локоть. Васька опять-таки обратил внимание на то, что с правой стороны прямо к комбинезону была прикреплена пистолетная кобура.

Действуя на автомате, он из кобуры достал пистолет, небрежно повертел его в руках, внимательно рассматривая его со всех сторон. В этот момент память ему подсказала, что перед собой он видит и в руках держит пистолет «Вальтер Пк38». Васкина память ему тут же напомнила, как этот пистолет устроен, как его можно быстро собирать и разбирать. Знал, как пистолет снять с предохранителя, как из него стрелять. Парень еще немного и с некоторым недоумением этот «Вальтер» повертел в своих руках, затем небрежно он его снова засунул обратно в кобуру, и на короткий момент задумался. В тот момент парня начали одолевать мысли о том, кто же он такой, куда сейчас летит, а также зачем ему нужно оружие?

Внезапно справа от него в металлической стене распахнулась дверь, к нему вышел человек. Он более походил на медведя, чем на человека! На нем был толстый меховой комбинезон с меховым капюшоном на голове, меховая маска скрывала черты его лица. Невысокий рост этого человека, меховой комбинезон и меховая маска на лице Ваське чем-то напомнили медведя-шатуна, так и не сумевшего заснуть на зиму. Но Васька этого медведя совершенно не испугался. даже не удивился его внезапному появлению. Когда человек-медведь подошел к нему, то правой рукой он взял его за подбородок, приподнял голову и стал внимательно всматриваться ему в глаза. Этот процесс продолжался довольно-таки длительное время.

Затем из-под меховой маски послышался приглушенный человеческий голос. Человек-медведь вежливо поинтересовался, причем он заговорил на немецком языке с хорошо выраженным баварским акцентом:

– Ну, и как вы себя чувствуете, господин штандартенфюрер?

Этот вопрос был задан самым обыденным тоном голоса, Васька же попросту не понял самой сути этого вопроса, а также не понял, почему к нему обратились, назвав его штандартенфюрером СС? Сначала ему подумалось, что он никогда в своей жизни не слышал такого слова. Но через мгновение в его голове родилась мысль о том, что это слово ему все же было знакомо!

Тем не менее, сам вопрос человека-медведя что-то всколыхнул в его сознании. В Васькиных глазах вдруг потемнело, поплыло. Он начал вспоминать свою служебную квартиру в Минске, оккупированном немцами. Он почему-то вспомнил запах сожженного кофе. Он вспомнил самого себя, штандартенфюрера СС Альфреда Нетцке. Память ему также напомнила, как он себе варил кофе в турке на кухоньке своей служебной квартире. Прозвучал телефонный звонок, это зазвонил один из телефонных аппаратов, установленных в его рабочем кабинете. Этот телефонный звонок заставил его на время оторваться от процесса варки кофе. Ему пришлось пройти в кабинет, и там пару минут поговорить по телефону, Васька вдруг снова вспомнил жесткий аромат жженного кофе. Он тогда еще успел подумать о том, что забыл турку с кофе снять с конфорки, что кофе вскипело и пролилось. Дальше он уже ничего не помнил, что с ним происходило.

Огромным усилием воли Васька промолчал, сдержался. Он не только не ответил на вопрос человека-медведя, не и не задал ему в это связи своих вопросов. Он даже не поинтересовался, чем же именно закончилась трагедия пролитого кофе? Он также ни единым словом не поинтересовался, сколько же времени прошло с того момента, как потерял сознание?! Васька промолчал, не задал вопроса человеку-медведю о том, что это за самолет?! Даже не поинтересовался тем, куда они летит, почему он оказался на его борту с парашютом за спиной? Он продолжал сидеть, вперив свой ничего не выражающий взгляд прямо перед собой.

Прошла минимум минута, прежде чем человек-медведь снова повторил свой вопрос:

– Ну, так все-таки как вы себя чувствуете, господин штандартенфюрер?

Васька снова проигнорировал этот вопрос, продолжая оставаться безучастным, не реагирующим на внешние раздражители человеком. Почему-то в тот момент его интересовало, как дальше будет себя вести этот немецкий человек-медведь, оказавшись в нестандартной ситуации?!

Незнакомец продолжил говорить, не обращая внимания на сдержанность в чувствах, проявляемую своим как бы неммым собеседником, как будто, так и должно было бы с ним происходить:

– Через тридцать минут самолет подлетит к конечной точке своего маршрута. Там я вас на парашюте выброшу из самолета. Приземлившись, вы, господин штандартенфюрер, должны добираться до Москвы. Там вам предстоит выполнить одно небольшое задание, о котором вы вспомните, как только окажитесь на улицах Москвы.

Выслушивая все то, что этот человек-медведь ему говорил, Васька вдруг в прорезях для глаз его меховой маски сумел разглядеть его глаза. Малой доли секунды ему хватило на то, чтобы благодаря им в нем узнать своего адъютанта Валдиса Мюллера. Он, видимо, начав у него работать так и не расстался со своим родным СД, на время перековавшись в секретного сотрудника, начав за ним шпионить. Эти же глаза ему подсказали, что в данный момент он находится на борту «Тетушки Ю»¹. Этот самолет летит в Сибирь, чтобы его выбросить на парашюте под самым Свердловском! По глазам эсэсовца Васька определил, что унтерштурмфюрер

¹ Тетушка Ю или Железная Анни – сленговые названия среди летного персонала Люфтваффе пассажирского или военно-транспортного самолета Ju 52, который производился фирмой Юнкерс с 1932 по 1945 год.

СС Мюллер уже никогда не вернется в Берлин. Дальний бомбардировщик «Юнкерс 52» будет сбит советским истребителем под Самарой. Самолет сгорит от прямого попадания пушечного снаряда в бензобак бомбардировщика. Экипаж самолета в три человека, а также унтерштурмфюрер СС Валдис Мюллер не успеют выброситься на парашютах. Они все сгорят в пламени пожара, вспыхнувшего на борту этого немецкого дальнего бомбардировщика после атаки советского истребителя.

Васька промолчал, когда вся эта информация промелькнула в его голове. Он, по-прежнему, продолжал безучастный ко всеми сидеть на металлической скамейке самолета! Он так эсэсовцу ничем не продемонстрировал, что к нему частично вернулась память. Что в нем восстановилась память не только штандартенфюрера СС Альфреда Нетцке, но и память простого белорусского сельчанина Васьки Василькова. Разговор с унтерштурмфюрером СС Валдисом Мюллером всего лишь только подтвердил его понимание о том, что в данный момент он находится на борту самолета Люфтваффе. Тем временем Валдис Мюллер все еще продолжал всматриваться ему в глаза.

Но Васька унтерштурмфюрера уже не видел, незаметно для самого себя он углубился в свои собственные воспоминания. В этот момент он вспомнил о своем немецком друге, верном соратнике, Альфреде Нетцке! Пара раз он попытался его вызвать, но Альфред на ментальный вызов не ответил, хранил молчание! В данный момент Васька ощущал, какая тяжесть лежит на его сердце, когда ему приходится работать одному без участия Альфреда! Василий прямо-таки почувствовал, как его беспокоит, тяготит это слишком уж затянувшееся молчание побратима. Без Альфреда он себя почувствовал брошенным, никому не нужным человеком! С другом и время пролетало гораздо быстрее, Ваське порой нравились его советы и нравоучения. Порой высказывания Альфреда были к месту, порой они были излишними, но практически всегда им воспринимались. Довольно-таки часто Альфред предугадывал развитие событий, по-дружески ему советовал, как себя вести в том или ином случаях.

Человек в меховой маске, унтерштурмфюрер Валдис Мюллер, наконец-то отпустил подбородок штандартенфюрера СС Альфреда Нетцке. Он развернулся и, шаркая меховыми унтами по железному полу, медленно побрел к кабине пилотов «Юнкерса 52». В пилотской кабине ему отвели небольшой уголок, отгороженный куском брезента от пилотов бомбардировщика. В том уголке ему поставили стол и стул. На столе стояли две радиостанции, одна работала в частотах УКВ, а другая – на коротких волнах! Эти две радиостанции позволяли ему поддерживать устойчивую радиосвязь с Берлином, с штаб-квартирой Абвера!

Сев на стул, унтерштурмфюрер СС Мюллер первым делом включил ультракоротковолновый передатчик, взял микрофон в руки и проговорил усталым голосом:

– Кондор вызывает Абвер-Берлин! Кондор вызывает Абвер-Берлин!

Через некоторое время дежурный радист Абвера ему ответил:

– Абвер-Берлин на связи! Готов принять ваше сообщение!

– Кондор сообщает, осталось менее тридцати минут полета до конечной точки! Объект пришел в сознание немногим раньше положенного времени, но почему-то от меня этот факт тщательно скрывает! Если судить по внешнему облику, то с ним все в порядке! Я уверен в том, что он осознает, где он сейчас находится. Но я решил его не вводить в курс задания, так как обстановка осложнилась. К сожалению, из-за этого я вынужден работать по второму варианту нашего плана! Сброс парашютиста планирую осуществить только по координатам, так как принимающая сторона физически будет отсутствовать! Из-за отсутствия московского агента нашему объекту придется самостоятельно добираться до Москвы! Московский агент Парамонов на связь не вышел! В настоящий момент он хранит молчание, на радиовывозы не отвечает! На этом все, Кондор прекращает связь!

Оставшись один в салоне самолета, Васька поднялся на ноги, желая размять свои затекшие от долгого сидения ноги. Он несколько раз взад и вперед прошелся по салону самолета.

Салон оказался небольшим закутком, продуваемым всеми ветрами! «Юнкерс 52» из бомбардировщика был всего лишь слегка переоборудован. Он был мало приспособлен для того, чтобы на нем с большим комфортом осуществлять доставку немецких разведчиков в глубокий советский тыл. Вернувшись на свое место, Васька присел на скамейку, нагнулся и из-под нее достал сидор, красноармейский вещевой мешок. С этим сидором на груди он снова поднялся на ноги, прошел к двери выхода из самолета, потрогал за ее ручку. Дверь, видимо, была заперта на замок. Несколькими движения своих рук Васька открыл замок, распахнул дверь, чтобы тут же шагнуть в разверзшуюся перед ним ночную темноту.

Некоторое время Васька находился в свободном падении. Память ему вдруг подсказала об необходимости выпустить парашют из ранца. Для этого он должен был дернуть за кольцо, висевшее на левой стороне его груди. Его правая рука тут же принялась шарить по его левой стороне груди, разыскивая кольцо для выпуска парашюта. Но никакого кольца там не оказалось, сколько бы он его не искал на левой стороне груди!

В этот момент Васька вспомнил о существовании Бога, он мысленно перекрестился, собрался распрощаться со своей жизнью, но в этот момент за его спиной послышался громкий хлопок. Что-то сильно и больно дернуло его за плечи, скорость падения резко упала! Разумеется, сам процесс падения не прекратился, но падение перешло в некое подобие планирования!

Вскоре Васька убедился в том, что это планирование ему более напомнило скоростной спуск на санках с высокой горки! Он падал как бы под пологим углом к земле. Этот угол оказался не столь пологим, поэтому земля к его ногам приближалась немного быстрее, чем ему этого бы хотелось! Под его ногами промелькнуло что-то белое, а затем показалась земля. Припорошенная снегом, она вдруг стремительно рванулась навстречу его ногам.

Васька краем глаза все же успел заметить, как под ним где-то справа промелькнули несколько дорог, сходящиеся к небольшому селению, домов в сто или чуть более! Это село своими очертаниями ему напомнило его родную деревеньку Васильки в Белоруссии. Разума Ваське вполне хватило на то, чтобы догадаться, что немцы его десантировали в один из дальних уголков родного Советского Союза. Так как, к сожалению, только русские могли иметь такие плохие проселочные дороги, только русские люди могли жить в таких полуразвалившихся избах!

Приземление произошло не совсем так, как Васька думал! Под его ногами вдруг замелькало поле, слегка запорошенное снегом. Как только ноги коснулись этого поля, то Васькины ноги замелькали в бешеном аллюре. Желая быстрее убрать инерцию пологого падения, Васька начал очень быстро перебирать ногами. Такая пробежка по колхозному полю продолжилась совсем недолго. Перед Василием неожиданно вдруг выросла копна скошенного сена. Желая остановиться, он слегка изменил направление своего бега, чтобы со всей скоростью своего аллюра врезаться в эту копну сена. От сильного удара его телом копна завалилась на бок, а Васька, наконец-то, остановился.

Вершина поваленной набок копны вдруг отлетела в сторону, в образовавшейся проеме сена вдруг голова симпатичной деревенской девчонки. Она с некоторым недоумением на него уставилась своими большими глазами, потом на чистом русском языке поинтересовалась:

– А ты, дяденька, откуда тут свалился на наши головы?

Теперь настала очередь Васьки от удивления широко раскрыть свой рот. Он хотел поинтересоваться, с какой это стати эта девчонка вдруг оказалась в этой копне в столь позднее время?! Но его недоумение тут же развеялось, рядом с этой девчонкой появился совсем молодой парень! Он с искренним интересом посматривал, то на запыхавшего Ваську, то на парашют павлиньим хвостом, расстелившегося по полю вслед за ним. Принимая во внимание посуровевший взгляд этого паренька, Васька решил не задерживаться со своим ответом на вопрос этой смазливой девчонки. Он ответил, мысленно подбирая, как можно более простые русские слова:

– Ты, что не видишь, я только что с Луны свалился!

2

Второй час участковый милиционер села Подкаменки Павел Цыганков вел допрос этого странного молодого парня, сидевшего перед ним на табурете. Этого парня привел к нему Колька, сынок колхозника Герасима Лихолетова. Вместе с парнем он притащил огромную охапку белого материала. Этот материал Колька бросил в сених дома Павла Цыганкова. Участковый милиционер появление Кольки Лихолетова вместе с этим парнем, а также вместе с белым материалом встретил неприязненно. Была середина ночь, он был пьян, как обычно, но сумел-таки открыть дверь, обоим парней впуская в дом.

Всему селу Подкаменки было хорошо известно, что завтра Кольке Лихолетову исполняется двадцать лет, в связи с этим военкомат уже прислал ему поздравление с совершеннолетием повесткой на призыв в Красную армию. Завтра утром сельчане собирались Николая Лихолетова вместе с другими его ровесниками проводить в армию, отправить в райвоенкомат, по ходу дела отметив и день его рождения. В этой связи на утро была запланирована небольшая церемония проводов призывников вместе с небольшим банкетом и выступлением самодеятельности в сельском клубе. Военкомат всего района располагался в райцентре Долгодеревенское, находившееся в двухстах километрах от села Подкаменки, пять часов езды на грузовике по проселочной дороге.

Последнюю ночь перед армией Колька решил провести не с друзьями за столом, а вместе со своей давней зазнобой Зинкой, где-нибудь подальше от родительских глаз. Для этих целей они оба выбрали большую копну, оставшуюся неубранной на колхозном поле. Поздно вечером с головой зарылись в сено, чтобы до утра наслаждаться компанией друг друга. За окном уже стояла середина октября, примораживало, первый снег только-только запорошил колхозные поля, но ночные морозы пока еще были не столь стужеными! Поэтому этой парочке в копне вполне хватало ласок, чтобы согреть друг друга!

Так вот, как участковый милиционер Павел Цыганков понял из рассказа Кольки Лихолетова, что в середине ночи кто-то повалил их копну на бок. Выясняя обстоятельство всего произошедшего, Зинка и Колька увидели, а затем познакомилась с этим молодым парнем, почему-то бежавшего по полю и своим телом случайно налетевшего на их копну! Колька продолжал неторопливо рассказывать:

– Понимаешь, дядя Паша, я с Зинкой оказался не готов ко всему тому, что с нами произошло! Мы оба очень удивились неожиданному появлению этого парня. Когда Зинка у него поинтересовалась, откуда, мол, ты здесь появился? Так этот парень ей ответил, что он, мол, с Луны свалился! Ну, тогда я и решил этого шутника-лунатика, бегающего по ночам по колхозным полям, доставить в твое распоряжение, дядя Паша, для выяснения обстоятельств и причин его столь позднего забега! Меня еще очень удивило и то, что вслед за ним стелился огромный белый зонт из хорошего белого материала, он почти как шелк! Парень не оказал сопротивления, когда я его руки вместе с Зинкой связывал веревкой из этого зонта. За всю дорогу до твоего дома он ни разу от меня даже не попытался сбежать.

Выслушав рассказ Кольки Лихолетова, участковый Павел Цыганков понял, что сегодня ночью ему вряд ли удастся выспаться, так как ему придется допрашивать этого парня чужака. Участковый, как был в одной нательной рубашке, в белых байковых кальсонах-подштанниках и на босу ногу, принялся готовиться к проведению допроса. Ведь, допрос – это дело очень серьезное, его без соответствующей подготовки, без соответствующего настроения его не проведешь!

Первым делом Павел Цыганков взял со столика, стоявшего рядом с кроватью, керосиновую лампу, подкрутил в ней фитилек, чтобы лампа светила бы поярче, а затем лампу переставил на обеденный стол. Затем, не торопясь, Павел Цыганков стал расхаживать по све-

телке, собирая необходимые вещи для проведения допроса. Временами участкового заметно пошатывало, перед тем, как забраться в постель, для согрева ему пришлось принять на грудь два стакана самогона, своего собственного Подкаменского производства! Из буфета Цыганков достал, поставил на стол большую чернильницу с синими чернилами, перьевую ручку, несколько листов чистой бумаги. Справа от себя на этот же стол он положил кобуру с револьвером «Наган» для самоутверждения. Вдруг что-то не так пойдет во время допроса! После проделанной работы он степенно присел на лавку, спиной упираясь в стену своего дома.

Кольке он приказал развязать подозреваемому руки, после чего он ему предложил присесть на единственный в его доме табурет. Этот табурет Павел Цыганков принес из соседней комнаты, поставил ровно в трех шагах от своего стола. Пару раз ему пришлось своими шагами вымерять расстояние от стола до этого табурета, но каждый раз он, видимо, ошибался, отмечаемые им точки не совпадали. Тогда участковый поступил, как истинно советский милиционер, табурет для допрашиваемого он установил ровно посередине между этими двумя ошибочными выбранными точками!

Установкой табурета завершился длительный процесс подготовки к допросу. Удовлетворенный проделанной работой, Павел Игоревич что-то хмыкнул себе под нос, затем он утвердительно кивнул головой самому же себе! Технически он был готов начать допрос. Перед ним на столе лежали только те вещи, в обязательном порядке ему требующиеся в ходе допроса. Участковый Цыганков присел на лавку, он совсем уже собрался его начать, как вдруг вспомнил о том, что забыл позаботиться о своем морально-душевном настрое! У него под рукой не оказалось проверенного граненого стакана, бутылки с первачом! Тем более, что по ночам у него довольно-таки часто пересыхало горло, поэтому он всегда бутылку первача и граненый стакан держал под рукой, чтобы по ночам, просыпаясь и, принимая полстакана первача, им смачивать свое пересохшее горло!

Недовольный своей промашкой, участковый Павел Цыганков снова отправился к буфету, из его глубоких, неисчерпаемых недр достал двухлитровую бутылку с синеватой жидкостью, а затем граненый стакан. Он совсем уже собрался отойти от буфета, как его поразила одна интересная мысль! Немного подумав, участковый из буфета достал второй и третий стакан, с этой поклажей он перешел к допросному столу. Перед столом подозрительный парень уже сидел на табурете, Колька Лихолетов стоял за его спиной, плечом упираясь в косяк двери. Павел Цыганков бутылку первача поставил под свою правую руку для удобства работы с бутылкой, три стакана выстроил перед собой в одну шеренгу.

Осмотрев предметы для допроса, расставленные в соответствующем порядке на столе, участковый Павел Цыганков удовлетворенно хмыкнул. Он занял свое рабочее место на лавке. Затем кхеканьем он прочистил свое горло, чтобы к незнакомцу обратиться с краткой речью. Но перед произнесением этой речи не удержался, налил себе в один из стаканов немного самогона, одним махом отправил его в свое горло! Затем внимательно посмотрел на подозреваемого, начал произносить свою вступительную речь:

– Ну, что ж, парень, у меня к допросу все готово! Вижу, что и ты готов отвечать на мои вопросы! Словом, я буду задавать тебе вопросы, твои же ответы буду записывать на бумажку. Так что ты не спеши с ответом, а главное, не тараторь, не то я неправильно запишу твой ответ! Если меня твои ответы удовлетворят, то завтра утром я тебя вместе с Колькой Лихолетовым и вместе другими нашими призывниками полуторкой отправлю в наше районное отделение милиции. Там мое начальство уже само будет решать, что с тобой будет дальше делать! Мое же дело – это провести твой первый допрос, выяснить обстоятельства твоего появления в наших Подкаменках, а затем отправить в Долгодеревенский райотдел милиции!

Завершив свою вступительную речь, Павел Цыганков повернулся к Кольке Лихолетову, чтобы ему предложить:

– Колька, давай, к нам присоединяйся?! Третьим будешь! Понимаешь, когда ночь проводишь в полном одиночестве, из-за этого одиночества пропускаешь полстакана первача, то моя Ленка – это мое поведение называет алкоголизмом! Когда мне приходится выпивать с кем-либо из своих соседей, то она это мое поведение называет – пьянством! Сегодня же нам троим предстоит рабочая ночь, вместе с тобой я буду допрашивать этого чужака, задавать ему умные вопросы. По ходу допроса мы будем выпивать за каждый мой вопрос и за его удачный ответ! Надеюсь, что в этом случае моя Ленка не посмеет утром, когда вернется от матери, нас троих в чем-либо обвинить!

– С превеликим удовольствием, дядька Павел, посидел бы вместе с тобой, выпил бы стаканчик первача, допрашивая этого чудака! Но моя Зинка все еще находится в той копне сена на колхозном поле! Она ждет моего возвращения! Боюсь, что без меня девчонка замерзнет на ночном морозе! Так что ты уж меня, дядя Паша, извини, но тебе придется без меня допрашивать этого шутника, по ночам бегающего по колхозным полям! Я ж побегу к своей Зинке!

Колька Лихолетов развернулся, протопал в сени дома, вскоре оттуда послышался звук захлопнутой входной двери.

Во время перелета на «Юнкерсе 52» из-за сплошных холодных сквозняков в салоне самолета Васька сильно промерз. Сейчас же находясь в жарко натопленном доме участкового милиционера, он расслабился и, сидя на табурете, стал поклевывать своим носом, дремать. Вступительная речь, произнесенная участковым Павлом Цыганковым, его взбудрила. В какой-то момент ее произнесения Ваське вдруг почувствовал, что где-то далеко впереди него вдруг забрезжило светлое пятно свободы! Он хорошо понимал, что до тех пор, пока его, как немецкого шпиона-парашютиста, не передали в руки НКВД, то сохраняется хоть и небольшая, но все же надежда на то, что судьба гордыня может остаться к нему по-прежнему благосклонной, что она позволит ему сохранить свободу!

Пользуясь тем, что керосиновая лампа, стоявшая на столе перед участковым, так и не смогла в этой горенке своим светом развеять темноту. В тот момент, когда участковый Павел Цыганков произносил свою вступительную речь, Васька сумел скинуть с себя этот чертов комбинезон светло-зеленого цвета с несуразно короткими штанинами. Под комбинезоном на нем оказался кургузый цивильный пиджачишко темно-коричневого цвета, а также помятые хлопчатобумажные брюки того же цвета. Прежде чем этот комбинезон зашвырнуть в дальний угол горенки, Васька из его кобуры достал пистолет «Вальтер П38», аккуратно его переложил во внутренний карман своего цивильного пиджачишки. Вдруг он когда-либо пригодится!

Затем Васька критическим взглядом осмотрел свои парашютные ботинки, уж очень они ему не понравилась своей не русской шнуровкой! Сейчас эти парашютные ботинки, их шнуровка смотрелись чужеродными телами на его русских ногах. Парень нагнулся, ножом, неизвестно откуда вдруг появившемся в его руках, перерезал шнуровку обоих ботинок. С видимым удовольствием, облегчением сбросил их со своих ног. В углу поблизости от него валялись старые- престарые валенки, который Павел Цыганков одевал на ноги по ночам, отправляясь оправиться во двор. Не вставая с табурета, своими ногами Васька смог до них дотянуться, пододвинуть их к себе и натянуть на свои ноги.

Вскоре на табурете перед участковым Павлом Цыганковым сидел невзрачный молодой человек, одетый в шерстяной костюмчик с накладными боковыми карманами в хлопчатобумажные помятые брюки. Он совершенно не походил на человека, которого Колька Лихолетов всего лишь полчаса назад привел к сельскому участковому! Из-за темноты в горенке участковый милиционер попросту проглядел это волшебное преобразование своего подозреваемого.

К этому времени участковый Павел Цыганов, наконец-то, совсем «созрев», решил приступить к допросу подозреваемого. Он взял в свои руки перьевую ручку и на одном из чистых листов бумаги написал: «Протокол допроса». Затем эту ручку он отложил в сторону, так как ему захотелось получше рассмотреть допрашиваемого. Перед этим он решал, выпить ли ему

стакан самогона одному или же с подозреваемым вместе?! Но керосиновая лампа, стоявшая на столе, освещавшая горенку, давала слишком уж мало света, чтобы хорошенько рассмотреть этого парня. Тем более, что он вдруг начал почему-то двоиться, троиться?! Тогда участковый милиционер Павел Цыганков, потирая руки, поинтересовался, обращаясь к подозреваемому:

– Ну, что ж, дорогой гость, не пора ли нам начать твой допрос! Только ты, давай, это подвинься ко мне поближе, а то я твоего лица я почему-то не вижу! Его выражение будет мне подсказывать, правильный ли я или неправильный задаю тебе вопрос?! Итак, начнем, для начала ты мне расскажи, кто есть ты такой, откуда бежал и куда направлял этот свой бег? Почему вдруг появился именно на нашем колхозном поле? Может быть хотел, чего-нибудь украсть? Да, для начала ты уж, пожалуй, назовись, скажи мне свое имя, отчество и фамилию?

К этому времени Василий кое-что узнал, что могло бы ему помочь, отвечая на вопросы участкового милиционера. Когда Колька Лихолетов вел его по селу, то болтал без умолку, рассказывая, о последних сельских новостях. Так Васька узнал, что военкомат Долгодеревенского района Свердловской области сейчас был по горло занят призывом сельской и городской молодежи 1920 и 1921 годов рождения в Красную армию. Колька проболтался ему и о том, что и сам он – призывник, что завтра всем сельским кагалом колхоз будет его и шестерых его товарищей торжественно провожать в райцентровский военкомат. Поэтому, подумав, Васька решил перед этим уже немного пьяным участковым милиционером прикинуться одним из призывников района, потерявшегося по дороге в Долгодеревенский райвоенкомат.

– Дык, все так и получилось совершенно случайно! Может быть, ты когда-либо встречался, чего-нибудь слышал о моем папане, Исидоре Василькове, из деревни Султаево озеро. Он в основном занимается рыбной ловлей, со своей артелью ловит на нашем озере налима и тайменя. Его артель пойманную рыбу продает в Свердловск. Помимо меня, старшего сына призывного возраста, у моего отца имеются еще один сын, две дочери.

– Не, парень, о твоём отце я не слышал, никогда с ним не встречался. Уж слишком далеко от нас твоя деревенька Султаево озеро находится! Правда, мои кореша не раз мне рассказывали, что рыбная ловля на Султаевом озере действительно отменная! Они там и осетров ловили, не только тайменя! Ты мне лучше сам расскажи о том, как это ты вдруг оказался на нашем колхозном поле, да еще так поздно ночью?!

– Так я ж тебе и говорю, случайно это вышло, из-за нашей пьянки! Когда мне и моим сверстникам пришли повестки из райвоенкомата, то мы решили сброситься, устроить общий сельский сабантуй по поводу проводов нас, сельских парней, в Красную Армию. Все село, и стар, и млад, собралась на эти наши проводы в армию! Мы пили, гуляли от души до самого утра. Одним словом, мы славно в ту ночь повеселились! Но эта пьянка-проводы немного затянулась, мы и не заметили, как наступил вечер! Пришлось нам в полной темноте наступившего вечера залезать в кузов колхозной полуторки, чтобы на ней поехать в райвоенкомат в Долгодеревенском.

– Слушай, парень, вот я сижу и тебя слушаю, но пока не могу понять, каким это образом ты посреди ночи вдруг оказался на нашем колхозном поле, где натолкнулся на Кольку с Зинкой? В своем рассказе ты что-то темнишь, видимо, не хочешь мне всей правды рассказывать?! Ты, может быть, пробежкой по нашему полю пытался убежать от призыва в армию?! Признавайся, если ты действительно убегал от призыва в армию, то я тебя тогда в холодную посажу, ты там у меня быстро одумаешься! Всю правду о самом себе ты сразу же мне расскажешь, без какой-либо утайки!

– Слышь, мужик, хоть ты и милиционер, представитель власти, ты уж, давай, меня не путай холодной, а также своими путанными вопросами! У меня и так голова сильно болит, сейчас я мало чего соображаю! Я начинаю тебе рассказывать, как оказался на том поле, а ты меня все время перебиваешь своими вопросами. Не даешь мне возможности рассказать все с самого начала и до самого конца! Говорю ж я тебе, что мы, восемь человек призывников

деревни Султаево озеро, скинулись на общие провода, все наше село на этих проводах гуляло, веселилось. Сельчане нас так напоили, что к утру мы, призывники, лыка не вязали. Поэтому в райцентр мы смогли поехать не рано утром, как ранее планировали, а уже под самый вечер. Ну, когда мы были в пути, то совсем стемнело. Мы и в кузове полуторки продолжали пить самогон, петь песни о службе в Красной Армии. Видимо, мы так надрались этим самогоном, что, когда остановились, чтобы отлить по маленькой, то ребята меня потеряли. Они без меня залезли обратно в кузов полуторки и уехали, оставив меня одного на обочине дороги! Чтобы ночью не замерзнуть, я и побежал, хотел к утру прибежать в Долгодеревенское. Как бежал не помню, сейчас вот только вспоминаю лицо девчонки, которая меня спрашивает, откуда я свалился. Тогда я ей, шутя, ответил, что упал с Луны. Больше я ничего не помню.

– Так как тебя все же зовут?

– Василием или просто Васькой!

– Значит ты Василий Исидорович Васильков?!

– Да нет, меня зовут Василием Сидоровичем Васильковым зовут! Это из-за полного уважения к моему отцу сельчане часто его кличут Исидором, как бы на монашеский лад, на деле он простой колхозник по имени Сидор Николаевич!

– Вот, Васька, сам видишь, что без бутылки даже в твоём имени не сразу можно разобратся! А таких, как ты, у меня целое село, его Подкаменками зовут! Так, что, давай, парень двигайся ближе к столу! Сейчас мы вместе выпьем по полстаканчику, а о после продолжим твой допрос.

– Да, с премногим удовольствием, дядька Павел! А то что-то у меня голова побаливает! – Сказал Васька, вместе со своим колченогим табуретом придвигаясь к столу.

Участковый милиционер Павел Цыганов своими собственными руками синеватую жидкость из двухлитровой бутылки разлил по двум граненым стаканам. В этот момент у него то ли рука дрогнула, то ли глаз подвел, но оба стакана он наполнил до самых краев. Внимательно посмотрев Ваське в глаза, он взял свой стакан в руку, произнес небольшой тост:

– Как я вижу, паря, ты наш человек, ты наш простой советский сельчанин, колхозник! Так что, давай, примем на грудь этот чудесный напиток, примиряющий злейших врагов!

Пока милиционер Павел Цыганов выговаривал свой тост, Васька почувствовал, что дар телепатии снова к нему вернулся. Он прошелся по сознанию этого сельского милиционера, понял, что тот, в принципе, был неплохим парнем. Вот только служба в милиции его испортила, слишком уж большую власть он заимел над сельчанами. Этой властью участковый так и не научился распоряжаться и пользоваться! И к тому же он слишком уж полюбил любой вопрос решать за стаканом самогона. Немного покопавшись в его сознании, Васька понял, что ему с ним следует себя держать чуть более осторожно, чем он ранее намеревался. Павел Цыганов строго придерживался одного советского правила, тот человек, кто с ним не пьёт – это враг советского народа! Непьющим, по его просвещённому мнению, нельзя было бы ни на грош доверять!

Васька одновременно вместе с участковым заглотал самогон в свою глотку. Мокрые губы вытер рукавом своего пиджачишки, широко по-сельски улыбнулся, свой стакан протянул Павлу для повторного налива! Тем временем первый стакан самогона мощным потоком прокатился по его голодному желудку, внутренним сосудам, жилам. Васька тут же раскраснелся своими щеками, на его лбу появилась испарина, его душа разогрелась, словно топка кочегарки. Непонятно куда исчез холодный озноб, который до этого момента терзал его тело и конечности. Он вдруг вспомнил отца, категорически ему запрещающего заниматься с друзьями пьянством! Он не раз его ремнем порол на козлах в дровяном сарае, приговаривая:

– Самогон пить категорически запрещаю! Но, если уж тебе совсем не в мочь, или не можешь отказать друзьям-приятелям, то разрешаю выпить только по маленькой стопочке,

но не более! Свой разум, Васька, при любой выпивки ты не должен терять! Запомни, эти мои слова сделай своим жизненным правилом!

В сложившейся ситуации Ваське ничего не оставалось, как только пить наравне с участковым милиционером Павлом Цыганковым, чтобы своим поведением, разговором не вызвать каких-либо подозрений с его стороны! Так как он хорошо понимал, что только в этом случае ему удастся покинуть село Подкаменки, добраться до райцентра Долгодеревенское, а оттуда на перекладных можно будет добраться до Москвы!

Только в столице он сможет найти ответы на все вопросы, стоявшие перед ним. В памяти Васьки то и дело всплывал номер московского телефона. Он должен был его набрать, как только окажется в Москве! Ничего другого в его памяти пока еще не было, как бы он не пытался еще чего-нибудь вспомнить. К великому сожалению, по настоящую пору Васька все еще продолжал находиться в несколько заторможенном состоянии. Сейчас он говорил, отвечал на вопросы участкового, как будто кто-то им руководил со стороны. Он почему-то был уверен в том, что на все задаваемые участковым вопросы он должен отвечать именно таким, а не каким-либо другим образом!

Допрос постепенно перешел в простую пьянку, продолжавшуюся до самого рассвета! С первыми солнечными лучами, появившегося над горизонтом, Павел и Василий стали настоящими друзьями. Они были в дребодан пьяны, они оба находились практически в невменяемом состоянии. В тот момент они могли только обниматься, порой даже по-мужски целоваться, говорить друг другу нежности:

– Ты меня знаешь? Ты меня любишь?! Будем друзьями до гроба! – Слышалось то с одной, то с другой стороны.

Когда в девять часов утра прозвенел будильник, то участковый Павел Цыганков тут же вскочил на ноги, стал натягивать милицейскую униформу! Он повел себя, подобно Фениксу, воскрешающемуся из пепла! Его служба участковым милиционером строго требовала, чтобы он в обязательном порядке в любое время дня и ночи независимо от того, в каком находится состоянии, присутствовал бы на любом сельском мероприятии! Сегодня утром его село Подкаменки собиралось проводить в армию семерых призывников! Действуя на полном автомате, Павел Цыганков сумел вовремя собраться, чтобы поприсутствовать на проводах сельских призывников. По неизвестной причине Ваську он прихватил с собой, набросив тому на плечи тулуп недавно умершего деда.

Они вдвоем, опираясь друг на друга плечами, чтобы особо сильно не раскачиваться на виду у сельчан, баб и мужиков, выстояли официальные речи председателя колхоза и одного из его заместителей. Когда колхозный грузовик ЗиС 5 с призывниками в кузове был готов тронуться в дорогу, то совершенно неожиданно участковый Павел Цыганков подтолкнул Ваську, предлагая ему забраться в кузов отъезжающего грузовика.

Когда грузовик тронулся с места, то Павел Цыганков ему на прощанье прокричал

– Дружище, ты вместе с нашими ребятами-призывниками поезжай в Долгодеревенское. Там обратись к военкому Николаю Михайловичу. Скажи ему, что ты от меня! Мы вместе с военкомом немало порыбачили на одном из наших лесных озер. Николай Михайлович обязательно тебе поможет найти своих, вместе ними он тебя отправит на фронт. Там ты немного подучись, потом бей фашистских оккупантов во славу Сталина, во славу нашего народа, во славу нашего великого Советского Союза!

3

В ту ночь стоял небольшой морозец, ртутный термометр показывал всего лишь пять градусов мороза. Шел легкий снежок, но мороз и снег сопровождался сильным, холодным и каким-то особенно пронизывающим ветром, задувавшим чуть ли не с самого Ледовитого океана. Покидая село Подкаменки, призывники, молодые, кровь с молоком ребята, разумеется, выстроились вдоль бортов кузова грузовика. Пьяными выкриками, маханием рук они прощались с родителями, с любимыми девчонками, просто с односельчанами. Эти парни-призывники никогда прежде не покидали своего села Подкаменки. Сегодня же перед ними открывался другой мир, находившийся за околицами их сел, деревень. Все было бы хорошо, если бы не война с Германией! Сейчас они пьяно, громко кричали, обещая родителям обязательно вернуться домой с войны живыми и здоровыми, победив германского супостата!

Васька, как только оказался в кузове колхозного грузовика ЗиС 5, сразу же пристроился за водительской кабиной. Несмотря на стоявший вокруг него громкий гвалт, он задремал, накрывшись с головой подаренным тулупом.

За околицей села призывники понемногу успокоились, притихли. Они опечалились расставанием с родителями, со своими любимыми девчонками, с друзьями. Свою грусть и печаль, а также свой страх перед предстоящей встречей с войной, эти сельские парни вдруг приняли заливать самогоном. Вырвавшись из-под родительской опеки, дорвавшись до бесплатной выпивки, молодые дурни-призывники прикончили остатки своего домашнего самогона на первых же километрах своей дороги до райцентра Долгодеревенское!

Немногим далее пошла обычная уральская проселочная дорога, она тут же продемонстрировала призывникам свой дурной нрав! Грузовик с призывниками на ней начало кренить, то вправо, то влево, резко бросать из стороны в сторону. Причем, порой его кренило так сильно, что казалось, что еще чуть-чуть и он перевернется, опрокинется. На дорожных ухабах, рытвинах ЗиС 5 так трясло, что у парней зуб на зуб не попадал! Из-за плохой дороги, сильной дорожной тряски призывники в кузове колхозного грузовика были вынуждены присесть на корточки, чтобы руками держаться за его борта. Одновременно дал себя знать пронизывающий, холодный ветер, задувавший с Ледовитого океана. Потихоньку парни стали замерзать от этого ветра, они пытались сохранить тепло своего тела, кутаясь в свою ветхую домашнюю одежку.

Что касается одежды, то старинный русский обычай с ними сыграл злую шутку! Издревле на Руси было принято, когда деревенского доброго молодца призывали на военную, государственную службу, то рекрут, отправляясь в армию, одевал на себя плохонькую одежку, давно отслужившую свой срок! Свою лучшую одежду он оставлял дома на вырост своим младшим братьям, так как армия обязательно его бы одела в свою военную униформу!

Так что само собой получилось так, что семь призывников из уральского села Подкаменки стали замерзать во многом из-за своей плохонькой, совершенно не согревавшей их домашней одежды. Холодный ветер поначалу выдул из этих парней самогонное тепло, вскоре он их заставил постукивать зубами! До райцентра Долгодеревенское было еще далеко, четыре часа пути по плохой уральской дороге. Одним словом, эти сельские парни стали все сильнее и сильнее замерзать от этого холодного пронизывающего ветра. От него было невозможно укрыться, спрятаться. Призывники все сильнее и сильнее замерзали с каждым километром дороги!

Васька же продолжал спать, укрывшись кабиной водителя грузовика и тулупом от этого злого ветра. Причем, он спал настолько крепко, что в своем сне он так и не расслышал предостерегающего крика, ора призывников, прощавшихся со своей родней, своим родным селом. Ваську не разбудила и тряская дорога, по которой едва полз грузовик ЗиС 5. Он вдруг проснулся, когда его слуха коснулся какой-то ритмичный, не совсем ему понятный звук, то ли от стука, то ли

от треска. Только через некоторое время Васька догадался о том, что его товарищи, такие же, как и он пассажиры грузовика, начали замерзать от пронизывающего холода. Ветер, не перестающий задувать с Ледовитого океана, выдувал из его товарищей последние оставшиеся в них крохи тепла! И они от холода застучали зубами.

Из положения лежа в грузовике, Васька принял положение, сидя!

Затем он, особо не высовываясь из-под тулупа, осмотрелся вокруг себя! Увиденное подтвердило его первоначальную догадку. Ему не трудно было догадаться о том, что еще несколько километров этой дороги, то его товарищи по поездке, сельские призывники, превратятся в сосульки. Еще немного они застынут от пробирающегося даже в душу холода! Сам же Васька продолжал оставаться под тулупом Цыганковского деда, ни один мороз, каким бы он не был крепким, был неспособен под него проникнуть! Васька поднялся на ноги, кулаком постучал по деревянной крыше кабины. Шоферу, высунувшемуся из водительской дверцы, он громко прокричал:

– Эй, паря, остановись, а не то все твои призывники померзнут! В Долгодеревенское привезешь одни только ледышки. Райвоенком тебя за это не похвалит, по головке не погладит!

– А ты сам-то откуда взялся? – Удивился шофер, это мужчина в года, с очками на носу. – Я тебя почему-то не знаю, никогда прежде не видел в нашем селе Подкаменки?!

– Я был прислан из военкомата райцентра Долгодеревенского для сопровождения ваших призывников! – Пояснил Василий. – В Подкаменках ваш милиционер Пашка Цыганов приютил меня на ночь...

– Дальше можешь не рассказывать! Я хорошо знаю Пашку, поэтому знаю, как он любит принимать гостей, чтобы самому не пить в одиночку! А зачем тебе, паря, нужна остановка?

– Ребята замерзают! Уж больно ветер сегодня холодный, пронизывающий! Сейчас они даже говорить не способны из-за этого холода! Я с ними немного побегая вон на той поляне! Там они немного согреются, а потом мы дальше поедем!

На протяжении пятичасовой езды до Долгодеревенского Ваське пришлось шесть раз просить шофера остановиться. Во время остановок он вместе с ребятами совершал пробежки вдоль дороги до тех пор, пока они не оттаивали, пока не согревались своими душами и телами, пока не приходили в себя и не становились нормальными людьми. Благодаря его стараниям, призывники из села Подкаменки живыми и здоровыми, без потерь и обмороженных прибыли в райцентр.

Райвоенком за смекалку, старание, проявленное призывником Васькой Васильковым, наградил его почетной грамотой. Не проверяя документов этого уральского призывника, он отправил его на медкомиссию. Затем Васькину фамилию военком своей собственной рукой внес в общие списки призывников своего Долгодеревенского района. Словом, Ваське так и не пришлось обращаться за помощью к другу участкового милиционера Павла Цыганкова из села Подкаменки, к некоему Николаю Михайловичу! Он без какой-либо помощи со стороны официально стал призывником Долгодеревенского района Свердловской области.

Через пару дней из ребят-призывников Свердловской области был сформирован специальный воинский эшелон. Неизвестное руководящее лицо сверху спустило срочную директиву, в этой директиве приказывалось военную подготовку уральских призывников провести по месту прибытия эшелона, перед отправкой на передовую линию фронта! В директиве особо выделялось, эти сформированные эшелоны из уральских призывников, как можно быстрее, отправлять на Запад страны в города, разбросанные под Москвой. Эшелон призывников из Долгодеревенского района должен был проследовать до города Тулы. В этом городе уральские призывники должны были пройти курс подготовки молодого красноармейца. После прохождения курса обучения и боевой подготовки их должны были бы распределить по частям и подразделениям Красной армии Брянского фронта, с южного направления оборонявших Москву, столицу Советского Союза!

Во время следования эшелона с уральцами Васька, удалось познакомиться, войти в доверие коменданту эшелона. Комендантом был совсем молоденький лейтенантик, Он под большим секретом Ваське сообщил, что по только что полученным сведения конечным пунктом следования их эшелона является Тула. В этом городе, как планируется, они пробудут месяц, проходя курс подготовки красноармейца. По завершению этого курса все четыреста уральских призывника пойдут на пополнение рядов 217-й стрелковой дивизии. Разумеется, этой информацией Васька тут же поделился с ребятами-призывниками из села Подкаменки, с ними он крепко подружился. Да, и они вполне охотно, гостеприимно приняли его в свою компанию

Но Васька не мог знать того, что 26 октября 1941 года обстановка на фронте под Тулой резко обострилась. Два дня назад немцы предприняли попытку прорвать линию обороны Брянского фронта, направив свой главный удар вдоль Белгород – Курск – Орел на Тулу. Взятие этого города открывало немцам дорогу на Москву с южного направления!

Из таких уже захваченных немцами русских городов, как Белгорода, Курска и Орла вражеские танковые колонны устремились к древнему русскому городу Тула, на весь мир прославившемуся производством оружия, самоварами и пряниками. Прорвав линию обороны Брянского фронта немецкие танковые колонны прошли по тылам красноармейских дивизий фронта. Малочисленные дивизии из последних сил все еще продолжали удерживать линию фронта даже и в такие моменты, когда немецкие танки утюжили и уничтожали их тылы. В какой-то момент судьба города Тулы повисла на волоске, так как у советского командования не оказалось под рукой свободных красноармейских дивизий для защиты города. Нечем было затыкать ото и дело образовавшиеся дыры в обороне фронта, не было свободных дивизий, которые можно было бы бросить на защиту Тулы!

Для того, чтобы остановить врага, выиграть время для перегруппировки войск, городской Комитет Оборона Тулы из добровольцев, рабочих, а также сотрудников городской милиции, сформировал Тульский рабочий полк. Этот полк занял позиции на окраине города, начал рыть траншеи и окопы. Одним словом, принялся, готовиться к участию в боях по обороне города. В самой Туле была перегруппирована 290-я стрелковая дивизия. Ее полки своими оборонительными рубежами перекрыли Орловское шоссе, именно по нему немцы производили свои основные атаки танками, медленно продвигавшимися к городу. Командование обороной Тулы с энтузиазмом встретило информацию о прибывающим в город целого эшелона уральцев. Но радостные улыбки потухли на их лицах, как только тульские командиры узнали, что в Тулу прибыл эшелон всего лишь уральских призывников. Этими призывниками была необученная молодежь, не прошедшая боевой подготовки, не умевшая держать в руках винтовки и пока еще не принявшая воинской присяги!

Эшелон с уральскими призывниками был принят на узловой станции Тула 1 Курской Московской железной дороги под самое утро 26 октября 1941 года. «Юнкерсы 88» только что отбомбились по городским целям, их бомбы легли на территории пакгаузов и складов железнодорожной станции. Не выспавшихся за ночь призывников срочно подняли на ноги, заставили спешно, едва ли не бегом, покинуть вагоны и саму железнодорожную станцию. Затем колоннами, по сто призывников в каждой, бегом погнали в Александровские казармы Тулы.

Как только уральские призывники переступили порог Александровских казарм, то их первым делом разбили по отделениям, взводам и ротам. Затем выдали обмундирование красноармейца – шинель, гимнастерку, солдатские галифе, буденовку, башмаки-гавнодавы с обмотками по колено. Почему-то Ваське здорово повезло! Может быть, потому, что он своей фигурой, телосложением и военной выправкой понравился старшине из каптерки, отвечавшего за выдачу красноармейской обмундирования. В знак своего хорошего к нему расположения, старшина сунул ему в руки добротную командирскую гимнастерку и галифе. Вместо солдатской шинели он выдал ему неплохой, но уже бывший в употреблении командирский полу-

шубок. Дал теплую шапку-ушанку вместо холодной буденовки, а также настоящие хромовые сапоги вместо башмаков с обмотками.

Старшина внимательно осмотрел Ваську с головы до ног. Затем он посмотрел ему в глаза, совершенно неожиданно для него вдруг сказал:

– Как мне показалось, парень, что ты уже успел понюхать пороха! Успел немного повоевать с немцем?! Наверняка, познал, почему фунт лиха, держа оборону против немца?! Думаю, что очень скоро тебе придется стать младшим командиром нашей Красной армии! Вот, поэтому я решил тебе, боец, выдать командирское обмундирование! Цени мое к тебе хорошее отношение, носи! Желаю тебе стать командиром в самом скором времени!

В новом обмундировании и своей статью Васька как-то сразу же выделился на общем фоне своих товарищей призывников. На глазах всей этой братии, пока еще не нюхавшей пороха и не побывавшей на фронте, он вдруг превратился в бывалого, успевшего повоевать вояку! К нему мгновенно изменилось отношение со стороны призывников, бойцов и командиров комендантской роты, обслуживающей Александровские казармы. Словно по волшебству, к нему стали обращаться с различными вопросами, поручениями и даже с просьбами командиры Красной армии, прибывшие в казарму за пополнением.

В какой-то момент этих поручений у Васьки оказалось столько, что как бы он не старался выполнить их все в срок он был не в состоянии выполнить все поручения! Таким образом, он был вынужден обращаться к своим знакомым, товарищам, чтобы уже их попросить уже ему помочь их выполнить! К его искреннему удивлению, никто из его уральцев ни единого разу ему ни в чем не отказал, хотя на это имели полное право! Причем, выполняя его поручения, призывники-уральцы старались во всем подражать поведению бывалых красноармейцев. Со стороны эти их старания, попытки выглядели по-детски наивными, но в то же самое время в этой их старательности зарождалась очень серьезная вещь! Уральские призывники делали первые шаги на пути становления красноармейцами. В этом их поведении проглядывалось желание, как можно быстрее, пройти боевую подготовку, принять красноармейскую присягу и, получив оружие, отправиться на фронт воевать с немцем!

Васька проявил инициативу, после завтрака он вместе со своими друзьями из села Подкаменки, составил подробные списки всех прибывших эшелонам уральцев. С подробным перечнем заболевших, снятых с эшелона, отставших от него по тем или иным причинам. Словом, этот список, представленный в канцелярию комендантской роты, среди ее писарей вызвал настоящий фурор! Эти писари со списком тут же побежали к командиру роты капитану Лавриненко, чтобы тот по достоинству оценил работу, сделанную самими призывниками!

После составления этого списка Васька неофициально стал старшим призывником, ему из канцелярии даже спустили приказ всех призывников накормить в столовой Александровских казарм. Выполняя полученный приказ, Ваське пришлось сбежать на кухню, там он выяснил, что ничего кроме перловой каши на кухне было, чтобы накормить такую большую и такую голодную ораву уральских призывников. Причем эта каша оказалась двухдневной давности приготовления, сильно подгоревшей! Есть ее еще было бы можно, но вкус она имела отвратительный! Тогда Васька не поленился и сбежал к старшине в каптерке, чтобы с ним посоветоваться по этому поводу. Тот внимательно его выслушал, что-то хмыкнул себе под нос, на целую минуту скрылся из его глаз в глубинах своей каптерки. Скоро старшина вернулся обратно с солдатским сидором, набитым двадцатью банками советской говяжьей тушенки. Он задумчиво посмотрел на Ваську, своего протеже, и сказал:

– Тушеное мясо добавь в перловую кашу, она с тушеной говядиной станет такой вкусной, что парни пальчики оближут! Думаю, что этих двадцати консервных банок с тушеной говядиной тебе хватит на то, чтобы не только этой кашей с тушенкой покормить в обед своих уральцев, но и немного каши оставить на вечер. За день всякое может случиться, еда всегда может потребоваться!

Уральским призывникам, будущим красноармейцам перловая каша с говяжьей тушеной очень понравилась. Они уплетали ее за обе щеки, а от горячего чая пришли в настоящий восторг. Перловая каша, несмотря на то, что она была подгоревшей, многим из них показалась райской пищей на фоне того, чем их кормили во время следования эшелона с Урала на фронт! Многие призывники тут же попросили добавки, немного каши осталось и на ужин!

Казарменные дела, постоянные поручения так и не позволили Ваське вместе со всеми своими товарищами по призыву пообедать. Перед самым обедом он получил новый приказ, срочно отобрать сто призывников, лично сопроводить их на Московский вокзал. Там он должен был разыскать младшего лейтенанта из 290-й стрелковой дивизии, сдать ему под расписку этих призывников. Для выполнения этого задания канцелярия выписала ему справку, в ней говорилось, что призывник Васильков выполняет задание по сопровождению ста призывников, отправленных пополнением в 290-ю стрелковую дивизию. Некоторое время ушло на формирование колонны из ста призывников. В путь колонна отправилась около четырех часов пополудни.

Колонну своих товарищей Васька без особых проблем, приключений довел до Московского вокзала. Младший лейтенант из 290-й дивизии его встретил у входа на вокзал. Так что ему не пришлось его разыскивать, младший лейтенант вручил Ваське расписку о переходе в его распоряжение ста уральских призывников. Васька еще некоторое время постоял на площади, с грустью наблюдая за тем, как его товарищи рассаживались по грузовикам, а затем автоколонна с ними покинула привокзальную площадь.

К пяти часам он освободился, в канцелярии же ему приказали вернуться в казарму к семи часам вечера. Таким образом, в его распоряжении оказалось еще два часа свободного времени. Возвращаясь в казарму Васька, честно говоря, особо не спешил, он решил освободившееся время посвятить осмотру вокзала. Несколько шагов, им проделанных по залам ожидания, заставили его сильно загрустить. Они были переполнены народом, гражданскими и военными лицами, в них яблоку негде было упасть. Повсюду были завалы из багажа прибывших и отъезжающих пассажиров. На завалах сидели женщины, дети, чего-то ожидая. Эти залы ожидания, видимо, совсем перестали убирать, на полу были кучи мусора, много папиросных и махорочных окурков, порванной в клочья бумаги и просто уличной грязи!

С большим трудом проходя по узенькому проходу, лавирующего между завалами из вещей и группами людей, спящими прямо на полу людей, Васька выбрался на перрон. Там он выдохнул из себя спертый, полный смрада воздух зала ожидания, вдохнул в себя кристально чистый морозный зимний воздух. К этому времени совсем стемнело, где-то высоко в небе проухали двигатели нескольких «Юнкерсов 88», возвращавшихся на свою базу. К этому времени Васька уже знал, что немцы не особенно любили воевать в темное время суток. Таким образом, можно было бы сказать, что с вечерней темнотой как бы наступило более или менее спокойное время.

Тут Васька вспомнил о том, что он голоден, что с утра он ничего не ел! Поэтому, естественно Васька решил перекусить, поэтому он решил зайти в привокзальный буфет. Там, наверняка, можно будет купить себе чего-нибудь для перекуса. Во всем комплексе железнодорожного вокзала, на перронах, в залах ожидания, в местах отстойки эшелонов соблюдался режим светомаскировки. Ни единого лучика света не прорывалось из служебных помещений этого комплекса. Но, тем не менее повсюду толклось множество людей, Васька шел по перрону, проталкиваясь сквозь множество людей, одних собирались эвакуировать из города, другие просто спешили по своим делам. Люди были чем-то возбуждены, они постоянно переругивались между собой. В какое-то мгновение Васька почувствовал, что с ним сейчас что-то произойдет. Он протолкнулся к стене здания вокзала и там замер, неподвижными глазами, глядя перед собой. В этот момент, видимо, от голода, от дикого желания поесть на него снизошло какое-то помрачение, в глазах потемнело, он как бы потерял сознание.

Через мгновение Васька пришел в себя, открыл глаза. Ему потребовалась секунда времени для того, чтобы осознать, что он сейчас стоит, уткнувшись носом в стену здания вокзала, почему-то горько плачет! Проходившие по перрону люди с сочувствием посматривали на молодого красноармейца, стоявшего и плачущего у стены вокзала. Один работяга в кителе железнодорожного стрелочника, проходя мимо хлопнул Ваську рукой по плечу, сочувственно поинтересовался:

– Здоров ли ты, паря?! Может нашу вокзальную фельдшерицу к тебе позвать?

– Спасибо, батя! Со мной все в порядке! Сейчас немного постою, приду в себя и далее потопаю!

– Вот и молодец! – Сказал железнодорожник.

Он тяжело вздохнул, и тут же скрылся в толпе военных, гражданских лиц, толкущихся на перроне Московского вокзала. Васька же отошел от стены, на секунду задержался, чтобы в полной мере ощутить, как прежняя сила и знания вливаются в него, в его головной мозг! Он тут же попытался вызвать своего симбионта Альфреда Нетцке, но тот опять-таки не отозвался на его мысленный зов. Альфред, видимо, все еще находился в отключенном состоянии. Внутри себя Васька почему-то был уверен в том, что его немецкий друг, по-прежнему, в нем пребывает, что рано или он проснется. С Альфредом ему будет гораздо легче разобраться во всем том, что с ним в данный момент происходило.

В этот момент Васька подошел к дверям привокзального буфета, открыл дверь и переступил его порог. Буфет имел небольшой зал на пять столиков для посетителей. Зал не освещался, только на стойке буфетчицы горела керосиновая лампа, столики освещались едва светящимися плашками. За столиками сидели три или четыре человека, они что-то ели, опасливо поглядывая по сторонам.

Подойдя к стойке буфета, Васька собственными глазами убедился в том, что в буфете ничего, помимо консервных банок «Килька в томате» и серого хлеба, не было. Голод не тетка, парень решил на имевшиеся в кармане полушубка рубли купить две банки рыбных консервов, полбатона серого хлеба. За буфетной стойкой работала очень тучная не очень молодая женщина, она участливо взглянула на Ваську, без слов выложила перед ним две консервные банки «Килька в томате», полбатона серого хлеба.

Забрав купленное со стойки, Васька отошел, сел за свободный столик. Консервного ножа в буфете не оказалось, ему пришлось обе свои консервные банки вскрывать нож-штыком к Мосинской винтовке. Это нож-штык ему еще выдал старшина из каптерки для защиты от нападения городского криминального элемента, от немецких шпионов. Отломив большой кусок хлеба, Васька сверху на ломоть хлеба наложил целую горку кильки, он тут же заглотил этот бутерброд.

Он даже не удивился тому, как это ему удалось одним махом проглотить такой большой ломоть хлеба вместе с килькой, не вывихнув при этом себе нижней челюсти! В этот момент до его ушей донеслось громкое, продолжительное и довольное урчание его желудка, требовавшего немедленно повторить столь шикарное угощение! Для полноты счастья, Васька оставшийся хлеб запил томатным соком прямо из консервной банки! С закрытыми глазами он на мгновение застыл, подобного удовольствия в еде ему еще никогда не приходилось испытывать!

В момент наивысшего блаженства, когда он съел примерно половину хлеба, к его столику из темноты зала вдруг выплыл военный патруль. Командиром патруля был сержант в форме войск НКВД, он был таким лоценым, наглаженным человеком среднего роста. На его груди висел новенький автомат ППД с круглым диском. Следует сказать, что по тем временам этот автомат был редчайшей вещью!

– Эй, ты, деревенская лапоть, почему не на фронте? Почему на твоей форме нет знаков различия? Почему сидишь в буфете, нагло пожираешь хлеб с килькой, словно какой-то бур-

жуй? А ну-ка, скотина, предъяви документ на то, что имеешь право находиться в буфете! – Грубым голосом потребовал сержант.

4

Труп сержанта НКВД лежал под буфетной стойкой, автомат отлетел на метра три от трупа, он закатился под один из столиков буфета. Вокруг прострелянной головы сержанта успела набежать большая лужа крови. Над этой лужей уже кружился, жужжа, большой рой навозных мух. Сейчас этот труп был прикрыт газетными страницами. Второй труп, одетый в форму рядового красноармейца артиллериста, лежал в середине зала буфета, он был прикрыт белой скатертью, сдернутой с одного из столиков. Второй красноармеец, услышав pistolетный выстрел и, заметив, что его командир патруля, сержант, замертво валится на пол буфета, сбросил с плеча свою мосинку². Вместо того, чтобы стрелять в Ваську, он бросил винтовку на пол, бегом припустил вон из буфета. Pistolетная пуля из Васькиного Вальтера его сразила в тот момент, когда он зайцем перепрыгивал через порог. До прибытия наряда НКВД Васька успел его за руки перетащить в центр зала буфета.

Третьего члена патруля НКВД, тот был то ли украинцем, то ли молдаванином Васька вырубил сильным ударом кулака в подбородок. Сейчас он валялся у окна, все еще находясь в отключке. Им в данный момент занималась молодая фельдшерица из привокзальной медсанчасти. Она прибежала в буфет на звуки перестрелки, сердито покачала головой, увидев три трупа! Васька ей подсказал, что так называемый красноармеец, лежавший у окна, валяется в отключке, без сознания! Девчонка снова укоризненно покачала головой и, не задавая лишних вопросов, нашатырным спиртом попыталась третьего члена патруля привести в сознание.

Сейчас рядом с ней по темному залу буфета нервно взад и вперед расхаживал молодой командир в звании лейтенанта войск НКВД СССР. Он ожидал, когда мнимый красноармеец придет в сознание, чтобы его тут же допросить. Этот лейтенант прибежал в буфет в сопровождении бойца комендантской роты. Первым делом он выслушал Васькины объяснения, но ни на йоту ему не поверил. Отобрал у него обе его справки, и о том, что ему приказано сопровождать призывников на вокзал, и о том, что эти призывники приняты младшим лейтенантом из 290-й стрелковой дивизии. Приказал Ваське сидеть за столом, не двигаться с места.

Понимая важность произошедшей перестрелки, своего бойца лейтенант энкеведешник только что отправил обратно в комендатуру за подкреплением. Временами он зло поглядывал на Василия, так как его считал основным виновником произошедшей перестрелки! Энкеведешник попросту не поверил в то, что этот призывник смог справиться с тремя прожженными немецкими диверсантами. Он решил, что в этом происшествии кроется какая-то тайна! Это надо же было какому-то там призывнику, только что прибывшего с Урала, еще не нюхавшего пороха на фронте, из pistolета убить двоих из трех немецких диверсантов?! Да и откуда у этого уральского призывника вдруг оказался такой шикарный немецкий pistolет «Вальтер Пк38», мечта всех средних командиров РККА?!

Васька, сидя за своим столиком, начал понемногу отщипывать кусочки от оставшегося хлеба. Ведь, первым бутербродом он всего лишь только слегка утолил свой голод, сейчас ему по-прежнему очень хотелось поесть. Одновременно он жадными глазами поглядывал на вторую консервную банку килек, пока еще им не вскрытую. Но он не спешил ее вскрывать своим ножевым штыком. Лейтенант энкеведешник почему-то пока у него не отобрал ни этот хлеб, ни эту консервную банку с килькой, ни даже «Вальтер». Тем не менее, Василий прекрасно понимал, что ситуация складывается явно не в его пользу. Независимо от того, что скажет третий член патруля, когда придет в сознание, этот энкеведешник его обязательно арестует. Можно было считать, что на этом происшествии его якобы благополучное возвращение на родину,

² **Винтовка Мосина** – 7,62-мм (3-линейная) винтовка образца 1891 года – магазинная винтовка, принятая на вооружение императорской армией России в 1891 году.

в Советский Союз, только что закончилось полным провалом. Он снова оказался в поле зрения НКВД, одно это ему не сулит ничего хорошего в самом ближайшем времени!

Васька также хорошо понимал, что, если он задержится в буфете до момента прибытия подкрепления из вокзальной комендатуры к этому энкеведешному лейтенанту, то он надолго распрощается со своей свободой! Даже, несмотря на то, что он только что ликвидировал диверсионную группу Абвера 2, этот энкеведешный лейтенант обязательно его задержит для выяснения всех обстоятельств этой схватки.

Когда энкеведешники примутся копаться в его биографии, то в его биографии, как уральского призывника, слишком уж много пробелов! Очень скоро выяснится, что он никакой не свердловчанин, не сибиряк, а простой белорусский крестьянин. После чего энкеведешники, наверняка, зададутся вопросом, каким это образом он вдруг оказался под Свердловском? В настоящий момент у Васьки не было какой-либо легальной легенды, хотя бы приближенно к действительности объясняющей его белорусское происхождение. Он не смог бы толком объяснить свое внезапное появление на Урале?!

Словом, Ваське требовалось срочно покинуть Московский вокзал Тулы, постараться никогда здесь больше не появляться, чтобы снова не попасть в поле зрения НКВД. Он решительно поднялся на ноги и, незаметно положив оставшийся хлеб, консервную банку килек в карман полушубка. С независимым видом направился к выходу из буфета. Дорогу ему тотчас же преградил лейтенант энкеведешник:

– Ты, куда это собрался? – Он злобно поинтересовался. – Призывник, я тебе не разрешал покидать буфета!

– Извините, товарищ лейтенант, мне нужно в сортир, и по большому! – Как можно более миролюбиво, одновременно глуповато ответил Васька.

Судьба все-таки была на его стороне. Она сделала так, что в этот момент очнулся третий член патруля, он сразу же что-то забормотал на своем немецком языке?! Перед лейтенантом моментально возникла дилемма, послушать, что там сейчас бормочет третий член патруля или же впустую препираться с этим глуповатым уральцем. Лейтенант пока еще был неопытным энкеведешником. Он, разумеется, выбрал первую альтернативу, ему страшно хотелось допросить диверсанта, только что пришедшего в сознание. Он хотел выяснить, кто же он на деле, немец или русский? Что касается этого уральского призывника, то все его документы сейчас лежали у него в кармане. Если потребуется, то он всегда сможет его разыскать! И лейтенант энкеведешник решительно направился к фельдшернице, все еще державшей ватку с нашатырем у носа мнимого красноармейца.

Снова оказавшись на вокзальном перроне, Васька тут же смешался с толпой народа, направлявшегося к выходу из вокзала. Часовые, сторожившие вокзальные входы и выходы, давно уже перестали выполнять свою работу, проверять документы у всех людей, пришедших или покидающих вокзал. Один из них лишь глазами скользнул по исписанному листку бумаги, который Васька ему протянул вместо своей красноармейской книжки, которую он пока еще так и не получил.

Вернувшись в Александровские казармы, там Васька узнал две приятные новости, его и шестерых призывников из уральского села Подкаменки распределили в 279-ю разведывательную роту 217-й стрелковой дивизии. Завтра рано утром он вместе с своими товарищами должен был отправиться в Одоев, небольшой районный центр Тульской области. В этом райцентре располагался штаб дивизии. Второй приятной новостью стало то, что Альфред Нетцке, наконец-то, проснулся, он тут же потревожил Василия:

– Ну, здравствуй, Вася! Я вернулся, теперь снова с тобой! А ведь меня хотели изъять из твоего сознания, разместить в сознании нового реципиента! Слава богу, что в тот момент у них под рукой не оказалось требуемого человека, который по всем параметрам подошел бы

к этой трансплантации. Почему-то мне предложили стать женщиной, но я категорически отказался, сказав, что у меня совершенно не тот менталитет!

– Рад тебя снова услышать, Альфредушка! – С откровенной радостью Васька прореагировал на возобновление контактов со своим другом, симбионтом Альфредом Нетцке. – И правильно сделал, Альфред, что отказался от всех этих глупых предложений! Слишком уж мы оба слились в понимании друг друга! Без тебя мне было бы тяжело разобраться во всем, что сейчас происходит вокруг меня. Мы вдвоем с тобой представляем настоящую силу, вряд ли нам кто-либо сможет противостоять?!

– А как же Эльза? Последнее, что я помню, так это то, что вы должны были снова встретиться! Она же поездом уже выехала к тебе в Минск!

– Мы так и не встретились! Меня отключили практически сразу же после встречи и гибели московской связной. Связная успела мне кое-что сказать, она умерла прямо на моих руках от ужасной раны, полученной в живот. После этого я несколько дней пробыл в полной отключке. Даже не знаю, что они со мной делали, к тому же не знаю, кем были эти самые «они»! Слушай, Альфред, без тебя и твоего совета я сейчас оказался в настоящем дерьме. Пришел в себя на борту самолета, «Юнкерс 52» меня доставил на Урал. Там меня выбросили с парашютом, даже не объяснив, что я должен был бы сделать! Я все еще не знаю, какое у меня задание! В моем сознании циркулирует одна только мысль о том, что я должен добраться до Москвы, но никто мне не сказал, чем именно я должен в этом городе заняться?! В моей памяти сохранилось одно лишь воспоминание, когда умирающая на моих руках связная прошептала мне номер московского телефона, по которому я должен позвонить, как только появлюсь в Москве. Но зачем тогда меня нужно было сбрасывать на парашюте на Урале, если я должен выполнить какое-то задание в Москве?! На этот и на многие другие вопросы я пока не нахожу ни единого ответа. Ты, Альфред, пока у нас еще есть время, подумай над всем этим. К тому же, если судить по объективным обстоятельствам, то как я думаю, что не сразу попаду в Москву!

– Хорошо, Вася, ты только перед своим уходом на передовую любого писаря из канцелярии попроси, чтобы он тебе обязательно выписал бы красноармейскую книжку! Не то при первой же проверке документов энкеведешники, обнаружив, что у тебя нет красноармейской книжки, могут тебя расстрелять! Да, и у нас на передовой, солдаты придерживаются примерно такого же правила, расстреливать на месте всех красноармейцев, попавшие к нам в плен без этой книжки красноармейца. Таких красноармейцев мы рассматриваем, как вражеских разведчики, попавших в плен во время выполнения боевого задания! А разведчиков, как и ваших комиссаров, мы расстреливаем прямо на месте пленения.

Словом, это общение с Альфредом Нетцке сильно подняло дух Васьки, теперь он был не одинок, в трудную минуту ему будет на кого положиться! К этому времени Альфред стал его настоящим другом, соратником в борьбе добра против зла! Следуя его совету, Васька отправился в канцелярию Александровских казарм выправлять свои документы. У первого же писаря в канцелярии он вежливо поинтересовался, как бы можно было бы сделать так, чтобы ему поскорей выписали бы книжку красноармейца.

– Нет никаких проблем, парень! Ты только принеси мне справку из райвоенкомата, в котором призывался, прими присягу красноармейца и тогда, пожалуйста, я тут же выпишу тебе красноармейскую книжку.

Ситуация складывалась не очень хорошая, справка из Долгодеревенского райвоенкомата осталась в кармане лейтенанта НКВД железнодорожной военной комендатуры. Сейчас снова соваться на вокзал, искать этого энкеведешника, а у него свою справку, было бы себе дороже! Существовала большая вероятность того, что это энкеведешник мог бы Ваську бросить за решетку!

– А ты, Василий, постарайся вспомнить те свои навыки, – тут в эти его раздумья вмешался симбионт Альфред Нетцке, – которым тебя, наверняка, учили на курсах спецназа диви-

зии «Аннербе». Тебя ж на них, наверняка, учили, как в полевых условиях изготавливать или подделывать вражеские документы!

Ваське тут же вспомнился полковник-орангутанг, читавшего им лекции и проводившего практические занятия по данной тематике. Он пониже наклонился к уху писаря, тихим шепотом его попросил:

– Ты мне разрешишь, воспользоваться пишущей машинкой. Она, кажется, стоит в комнате начальника канцелярии, капитана Лавриненко!

– А что мне за это будет? Ведь, если капитан Лавриненко, начальник нашей канцелярии, узнает о твоей просьбе, а также о том, что именно я помог тебе ее выполнить, то в этом случае мне не сносить своей бедной головы?!

– Он не узнает! Сегодня его дочке исполняется пять лет, так что на данный момент его голова занята тем, где бы ей найти торт под свечи. Эти свечи его доченька будет погасить своим дуновением?!

– Хорошо, тогда приходи в полночь, когда вся казарма будет спать! Мы вместе пройдем в кабинет капитана!

– Ну, вот, Василий, теперь ты сам хорошо видишь, что, если существует какая-либо проблема, то ее нужно сразу же решать, а не переносить ее решение на завтра, как вы, русские, любите это делать! – Тут же Альфред Нетцке со смехом прокомментировал достигнутую Васькой договоренность.

Глава 2

1

Капитан Виталий Лавриненко был своего рода вечным, незаменимым комендантом Александровских казарм Тулы! Он пришел сюда еще в незапамятные времена, когда начал служить младшим командиром комендантской роты. Со временем вырос до капитана. Служба в комендантской роте Александровских казарм помогла ему без особых потрясений пережить времена больших армейских чисток, перестановок и расстрелов середины тридцатых годов. Виталий Лавриненко оказался отличным служакой, хорошим семьянином. Умел вовремя подсуетиться, помочь своим товарищам пережить мрачные времена, они в свою очередь ему помогали продержаться наплаву!!

Когда началась война капитан Лавриненко несколько раз подавал рапорта с просьбой его отправить на фронт, но начальство никак не могло ему найти замену на посту коменданта Александровских казарм, постоянно ему отказывало в просьбах. Сегодняшним ноябрьским утром, он, как никогда, появился на работе рано до восхода солнца, до сигнала общего подъема.

Через некоторое время к нему подъехал корреспондент тульской газеты «Молодой коммунар». Вместе с ним он покинул жарко натопленную канцелярию. Они вдвоем вышли на главное крыльцо Александровских казарм, чтобы проводить будущих разведчиков 217-й стрелковой дивизии в путь-дорогу. Капитан Лавриненко выглядел очень довольным человеком, его канцелярия получила и быстро обработала запрос на пополнение, поступивший из 217-й стрелковой дивизии. Шесть молодых уральцев, правда, пока еще не принявших красноармейской присяги, но под командованием опытного сержанта, должны были пополнить ряды дивизионной разведроты. Но по сию пору из дивизии не прибыл командир, который должен был бы забрать, сопроводить это уральское пополнение в расположение штаба своей дивизии. Последние дни 217-я дивизия вела ожесточенные оборонительные бои в Одоевском районе Тульской области. Видимо, по этой причине штаб дивизии, расположившийся в поселке Одоев, пока еще не мог найти свободного от дел командира, чтобы его отправить в Тулу за пополнением.

Капитан Лавриненко привык без задержек выполнять любые, казалось бы, даже самые невыполнимые, просьбы и требования, поступившие сверху или из частей и подразделений Красной армии. Может быть, именно поэтому он так долго занимал должность коменданта Александровских казарм. Вот и запрос из 217-й стрелковой дивизии на пополнение дивизионной разведроты капитан Лавриненко, его канцелярия выполнили без промедления. Капитан сам отобрал кандидатов в разведчики. Своим приказом он произвел в сержанты бывалого солдата, случайно оказавшегося среди уральских молокососов.

Словом, сразу же после получения запроса из 217-й дивизии пополнение в тот же день было готово к отправке в Одоев. Виталий Петрович, принимая во внимание тот факт, что из дивизии за пополнение пока еще не прибыл командир, распорядился это пополнение самоходом отправить в Одоев, в штаб дивизии. Капитан Лавриненко хорошо знал о том, что от Тулы до Одоева семьдесят пять километров пути. И он не раз слышал о том, что во время немецкого наступления немецкие разведчики-мотоциклисты и танки порой свободно разгуливают по тылам советских войск. Но, тем не менее, этого своего приказа не отменил!

Еще вчера вечером Васька по совету своего симбионта Альфреда Нетцке пошептался со старшиной из каптерки за небольшую мзду в виде консервной банки говяжьей тушенки, бутылки водки «Московская горькая», он с ним договорился о том, чтобы шестерых своих товарищей переодеть в зимнее обмундирование красноармейца. Он также попытался у старшины, своего нового друга, выпросить пару винтовок. Ему очень не хотелось отправляться

в опасную дорогу вообще без оружия, слишком уж беспокойными были сегодняшние времена! С началом немецкого наступления на Москву и над Тулой сгустились грозные тучи. Но старшина категорически ему отказал, заявив:

– Ты уж меня извини, паренек! Никакого оружие я не могу выдать ни тебе, ни твоим парням! Вы же не принимали присяги значит не имеете права держать в руках какое-либо оружие! Первый же патруль НКВД вас остановит и, проверив документы, установит, что вы не красноармейцы, то за незаконное ношение оружия, да еще в военное время, вас сразу же на месте расстреляют! Меня же отправят под трибунал, а там разговор короткий, трудовой лагерь или тот же расстрел! Вы уж без оружия отправляйтесь в дивизию. Там пройдете военную подготовку, примете присягу красноармейца и только тогда вам выдадут винтовки!

Василий не стал спорить со старшиной по этому вопросу, понимая его правоту в данном вопросе. Он, молча, покинул казарменную каютку, в душе надеясь на то, что они без проблем и приключений смогут пройти семьдесят километров до Одоева. Теперь ему оставалось надеяться только на свой «Вальтер Пк38», но после недавней перестрелки на Московском вокзале в его пистолете осталось всего лишь три патрона!

Рано утром еще до рассвета Васька своих товарищей уральских призывников выстроил во дворе казармы, они были готовы отправиться в путь. Но еще вчера его заранее предупредили о том, что капитан Лавриненко собирается сам лично их проводить в путь-дорогу! Только после капитанского благословения он может вместе со своими товарищами отправляться в Одоев.

Шеренга из шести призывников получилась короткой, но им пришлось довольно долго простоять, ожидая появления капитана Лавриненко. Минута проходила за минутой Васька с тоской поглядывал в небо. Он надеялся покинуть Тулу до рассвета, до появления немецких бомбардировщиков над городом. Капитан Лавриненко появился минут через сорок, он вышел из здания казарм в сопровождении корреспондента тульской газеты «Молодой коммунар». Этому журналисту было поручено подготовить статью о том, как трудовая Тула готовится к обороне, отправляет на фронт свое пополнение.

Виталий Петрович вместе с корреспондентом прошелся вдоль короткой шеренги, внимательно всматриваясь в лицо каждого уральского призывника. Корреспондент следовал за ним, не отставая, он был совсем молодым парнем и, разумеется, комсомольцем. Всей своей молодой душой этот корреспондент рвался на фронт, чтобы с винтовкой в руках защищать свою родину, Советский Союз! Но в армию его так и не взяли из-за сильной близорукости, тогда пришлось ему стать корреспондентом молодежной газеты, писать статьи о подвигах других парней, воевавших за свободу его родины с оружием в руках! Видимо, близорукость этого корреспондента не позволила ему разглядеть, что сейчас перед ним стояли совсем молодые уральские ребята, одетые в красноармейское обмундирование, но пока еще не ставшими настоящими красноармейцами! Тем не менее, со стороны эти уральские ребята смотрелись настоящими молодцами-удальцами, в любой момент они штыками своих винтовок были готовы преградить путь фашистским гадам, наступающим на Тулу! От избытка восторженных чувств, корреспондент щелкнул на свой фотоаппарат «ФЭД» пару снимков, для последующего их размещения вместе со статьей в своей газете.

Васька, уверенно печатая шаг, словно он был красноармейцем третьего года службы, подошел к капитану Виталию Лавриненко и, приложив кончики пальцев правой руки к правой брови, молодежато, браво и четко отрапортовал:

– Товарищ капитан, команда призывников Урала перед отправкой на фронт построена по вашему приказанию! В команде больных нет, все живы и здоровы! Готовы отправляться на фронт! Рапорт отдал сержант Васильков.

Услышав рапорт сержанта, корреспондент тотчас же навострил уши и вопросительно посмотрел на капитана Лавриненко. Он же собирался рассказать о проходах на фронт крас-

ноармейцев сибиряков, бывалых солдат, успевших повоевать с японцем! Капитан Виталий Лавриненко никак не отреагировал на этот вопросительный взгляд журналиста. Он благоклонно отнесся к сержанту, выслушал его рапорт. Капитану понравился факт своего участия в проходах молодых парней на фронт в действующую армию.

Капитан Лавриненко сделал шаг вперед, поднял правую руку для привлечения внимания бойцов и произнес короткую пламенную речь:

– Товарищи призывники, будущие красноармейцы, вы отправляетесь на фронт сражаться с немецко-фашистскими оккупантами! Бейте их чем не попадя, гоните их с русской земли! За родину, за Ленина, за Сталина умрем, но нашу труженицу Тулу врагу не сдадим!

Капитан Лавриненко вместе с корреспондентом еще некоторое время постоял на крыльце казармы, наблюдая за тем, как армейская молодежь прошла через ворота казармы, дружно зашагала по улице, выходящую на Одоевское шоссе. Виталий Петрович хорошо знал и о том, что этих призывников сегодня даже не покормили завтраком. Закончилась перловая каша, а других продуктов в казарму пока еще не подвезли! Старшина из канцелярии, передавая сопроводительные документы сержанту Василькову, ему же и посоветовал не поднимать шума по этому поводу, а перекусить в ближайшей к Туле деревеньке.

– Крестьяне у нас там добрые! Они обязательно вас, ребята, покормят, молочком утренней дойки напоят! – Говорил старшина, при этих словах он всеми силами старался даже случайно не столкнуться взглядами с этими парнями с Урала.

Васькина группа в шесть уральских призывников сначала прошагала пару километров по улицам Тулы, прежде чем выйти на Одоевское шоссе. За ночь городские улицы оказались запорошенными первым снегом. Дворники домов сметали снег с тротуаров, сбрасывали его прямо на мостовую. Асфальт в те времена только начал появляться, да и только на улицах крупных городов Советского Союза. В Туле в те времена только улица Сталина была заасфальтирована. Группа вереницей прошла пару городских улиц, за это время им не встретилось ни одной машины, следующей в Одоев! Вскоре они вышли на шоссе, ведущее в Одоев. В самом начале шоссе было замощено булыжником, а дальше пошел гравий или хорошо укатанная грузовиками земля. Это шоссе на деле оказалось узким, в пух и прах разбитой проселочной дорогой, на которой с большим трудом могли разъехаться два встречных грузовика.

– Ты, Васька, теперь понимаешь, почему мы по настоящее время не взяли Москвы?! – С ужасом в голосе прошептал Альфред Нетцке. – Посмотри на эту дорогу, ни единого ровного места, то ухаб с небоскреб, то рытвина по колено, заполненная непонятной жидкой грязью. Человек попадет туда и не заметит, как утонет! Здесь ни одна армия со своей тяжелой артиллерией, танками попросту не пройдет!

– Что немцу смерть, то русскому потеха! – Флегматично ответил Васька, взбираясь на очередной дорожный ухаб. – русская пехота везде пройдет, никакая плохая дорога ее не остановит!

Вот только Ваське очень не нравилось это сплошное безлюдье, творившееся на Одоевском шоссе. Они прошли несколько километров, но им пока еще не встретилось ни одной машины, ни одной крестьянской телеги, ни одного человека. В казарме Васька не выдали никаких топографических карт, позволившими ему ориентироваться по дороге до Одоева. Намекнули только, сказав, что язык красноармейца куда угодно доведет. Мол, почаще расспрашивай людей, встречающихся по дороге, они тебе подскажут, как будет безопаснее всего добраться до Одоева! Но вот уже час они идут по дороге Тула – Одоев, и ни души им еще не встретилось! Так что пока еще им не встретились путники, к кому можно было бы обратиться со всеми своими вопросами.

После примерно восьми пройденных километров впереди показался дома поселка Петровский. Ваську опять-таки до глубины души поразила грязь и лужи от мокрого снега на улицах этого поселка, полное безлюдье его улиц. Двери изб были плотно прикрыты, окна занавешены

серыми занавесками. Обычно улицы русских деревень были всегда заполнены играющими детьми, подрастающим поколением! В этом же поселке во дворах домов не было видно ни одного подрастающего пацана или девчонки. Немного подумав, Васька решил пройти мимо этого поселка, napроситься на завтрак в другом, следующем на их пути населенном пункте.

– Зря! – Альфред Нетцке коротко прокомментировал Васькино решение. – Ты даже не знаешь, сколько вам еще предстоит пройти километров до следующего населенного пункта. А я же хорошо слышу, как твой желудок подвывает от голода. Это его подвывание мне порой напоминает рев стартера старого трактора! Ты только себе, Васька, представь, что сейчас твои парни с остальными твоими парнями. Они с голодухи могут, наверняка, и о дезертирстве подумать! Так что я тебе советую не морочь себе голову, ребят постарайся накормить при первом же случае, и тогда тебе не придется в профилактических целях читать им лекцию о социальном вреде дезертирства!

Мысленно выслушивая очередную нотацию Альфреда, Васька временами оглядывался за спину, чтобы понаблюдать за тем, как шестеро его товарищей по призыву плетутся вслед за ним. С этими ребятами он познакомился совсем недавно, всего лишь три недели тому назад. С ними он впервые встретился в кузове грузовика, когда они из села Подкаменки ехали до райцентра Долгодеревенское. Первым за ним шагал парень по имени Иван, вторым Степан, третьим Семен, далее его тезка Василий, Афанасий и Илья, их фамилий он пока еще не запомнил! С этими мыслями о своих товарищах Васька прошагал еще два километра по шоссе. Снова вдали показались крестьянские избы еще одного поселка.

В этом поселке им повезло, прямо на дороге им встретилась женщина, на коромысле она несла два полных ведра колодезной воды. Она шла и так ловко балансировала своим телом, что ни одной капли воды не выплескивалось у нее из ведер, висевших на коромысле. Парни от удивления остановились и, с широко разинутыми ртами, наблюдали за тем, как эта женщина проходила мимо.

– Ну, что, солдатики, стоите, разинув рты? Я же не ваш пирог, не откусите!

– Ну, ты, женщина, даешь! Не идешь, а выступаешь словно пава!

Вдруг заявил Степа Николаев, по своему росту он был самым маленьким во всей группе. Многие командиры ошибочно порой принимали его за пионера, порой хотели его обратно отправить домой. Васька еще удивлялся тому, как этот парень умудрился найти правильные слова, чтобы так высоко оценить красоту и стать этой русской женщины! Ее лицо было трудно разглядеть, пуховый платок, небрежно наброшенный на голову, надежно скрывал ее лицо. На ней была одета старая, кое-где вручную подлатанная кофта и, что опять-таки чрезвычайно удивило Василия, вместо пуговиц на кофте были деревянные палочки. Поверх кофты была накинута теплая меховая безрукавка, юбка у нее была до пят, а на ногах – старые разбитые мужские кирзовые сапоги. Василий всем своим нутром почувствовал, что под всей этой старой одеждой скрывалась настоящая русская красота!

– Спасибо, ребята, за доброе слово! Ласковое слово, оно и кошке приятно! А вы, ребятки, часом не голодны ли? Мужа и сына я недавно проводила на фронт! В избе осталась одна-одинешенька, теперь мне не о ком заботиться, некого кормить! Так что, если голодны, то, не стесняйтесь, заходите в мою избу! Вон она третья, считая от этой избы. Что имею, тем я вас и покормлю!

2

Уже на дворе своей избы, женщина остановилась, ведра аккуратно поставила на завалинку. На пороге избы развернулась, строго осмотрела на парней, гурьбой следовавших за ней, и сказала:

– Меня зовут, Полина Георгиевна! При входе в избу, не забудьте снять и почистить свои сапоги! По избе ходить только босыми или в портянках, можете отдохнуть с полчасика, пока я буду вам готовить курицу! А тебя, я вижу ты старший в команде, хочу попросить наколоть мне дров. Скоро зима, а дрова уже кончаются, мне же самой их трудно колоть. Ты только на поленья их распили и постарайся расколоть их, как можно больше! Потом эти дрова я сама в поленницу сложу! Топор колун ты найдешь в подсобке.

Три часа призывники провели в избе крестьянки и колхозницы Полины Георгиевны. Двух куриц и большой горшок картошки хватило на всех. После дома уральские призывники впервые наелись доотвала привычной домашней пищей, что не смогли подняться из-за стола. Васька мгновенно сообразил, что его группа полностью потеряла боеспособность, не может и шага сделать после такого вкусного обеда! Он разрешил своим товарищам часок поспать под чутким присмотром Полины Георгиевны. Сам же снова отправился во двор, где занялся колкой дров, Полина аж ахнула от изумления, когда, выйдя во двор, увидела большую гору наколотых дров. От избытка впечатлений женщина не удержалась, чмокнула его в небритую щеку и сказала, глядя прямо ему в глаза:

– Оставайтесь на ночь! Нечего спешить на фронт, он сам вас здесь найдет! А утром я попрошу соседа, Игнатия Степановича, он вас на своей телеге подбросит до Одоева. Только мне кажется, что вы немного опоздали, по слухам еще вчера немцы заняли этот городок!

– Не могу, Полина Георгиевна! – Твердо ответил Василий. – Я ответ держу за всех своих товарищей!

По твердости его ответа Полина поняла, что ей не стоит больше на своем настаивать. Она, потупив взгляд к долу, отошла в сторону, освобождая Василию проход в избу. Ему понравился уют и комфорт этой крестьянской избы, полы вымыты, повсюду постелены половички, чтобы босыми ногами не ходить по голым доскам пола. Василий аккуратно скинул сапоги и портянки, сел за стол, где для него было оставлено чуть ли половина хорошо прожаренной курицы с картофелинами, небольшой жбан сметаны и большая железная кружка парного молока. Но самым замечательным был белый хлеб, он еще хранил в себе тепло и запах печки.

– Сама пекла! – Коротко сказала Полина на вопросительный взгляд Василия.

Василий не заметил, как она подошла к столу, сейчас стояла, молча, наблюдая за тем, как он ест!

– Садись на лавку, в ногах правды нет! – Сказал он, продолжая пережевывать жареную курятину, запивая ее молоком и заедая белым хлебом. – Что слышно с фронта? У вас в деревне есть радиоприёмник?!

– Был у председателя в правлении, да НКВД забрало, чуть ли не в первый день начала войны! С тех пор живем одними слухами и домыслами. Были беженцы, о немцах они рассказывали одни только страшные вещи. Там они кого-то убили, там кого-то расстреляли! Проходили красноармейцы, но комиссары на их рты замки навесили. Молчат и ничего не рассказывают, а в глазах один только страх!

– Неужели все так плохо? Мне пришлось немного повоевать на западной границе, когда началась война. Мы немцев так не боялись, нам было только обидно, горько и досадно, что они постоянно наступают, а мы постоянно отступаем! Ну, да, ладно, хозяйшка, спасибо за хлеб и соль, за гостеприимный прием! Нам пора отправляться на фронт! Полина, не подаришь ли ты нам вот ту свою двухстволочку. Она у тебя на стене без дела висит, а нам может и при-

годиться. Охотиться идем, только вот охотимся собираемся на очень большого зверя и, как сегодня говорят, на очень страшного!

– Да, забирай, Васенька! Муж ее на стенку повесил, когда уходил на фронт. Тогда он мне сказал, что она мне защитницей будет. Но я же женщина и стрелять не умею, да и не хочу этому учиться!

– Мы тебя защитим, немца сюда не допустим. Ну, мы должны отправляться в путь!

– Спаси тебя Бог, Василий! И твоих красноармейцев тоже!

Дорога Тула – Одоев ничем не изменилась за время их отдыха, она, как была безлюдной, так ею и осталась. Они быстрым шагом прошли километров двадцать, к полудню были где-то на середине пути к Одоеву. В этот момент Василий прислушался, в гуле дальней артиллерийской канонады он слышал какие-то посторонние звуки. Как только они покинули Тулу, то в воздухе возник, на всем пути их пока сопровождал этот постоянный гул артиллерийской канонады. Он то нарастал, то затихал, слышался то справа, то слева или спереди, но не прекращался ни на минуту. Поначалу Васька очень тревожился по этому поводу, но вскоре привык к постоянному гулу артиллерии, перестал на него обращать внимание. Но сейчас в этом гуле артиллерийской канонады ему послышалось какое-то натяжное подвывание, не имевшего никакого отношения к грохоту артиллерии.

Он бросил взгляд себе за спину, парни его группы брели по всей ширине дороги, лениво переставляя ноги. По их физиономиям можно было бы легко догадаться о том, что они пока еще не устали, но с удовольствием остановились бы на привал. В сидорах за их плечами все еще хранилась еще одна парочка жаренных курочек, которые Полина Георгиевна дала им в дорогу. Так что парни с превеликим удовольствием бы остановились, чтобы доесть этих курочек с картошкой.

– Вась, ты прислушайся, мне кажется, что в воздухе слышны звуки мотоциклетных двигателей! Прими мой совет, предосторожности ради, своих ребят убери с дороги, прикажи им на время спрятаться вон в том придорожном лесу. Охотничья двустволка, три патрона в пистолете вас не спасут! – Мысленно прошептал Альфред Нетцке. – Если это немецкий разведзвод на мотоциклах, то они вас попросту перестреляют из пулеметов прямо с дороги! Пленных они брать не будут, они им ни к чему! Так что, давай, Вася, прямо сейчас уведи ребят с дороги!

– Ребята, объявляю привал на тридцать минут. В этой связи сойдите с дороги, на привал расположитесь вон в том придорожном лесочке. Там передохните, поешьте Полининых курочек с картошкой, только не забудьте мне кусок курицы и хлеба оставить! Я же немного пройду вперед дальше по дороге, посмотрю, что и как там?! А потом я к вам вернусь!

Шестеро парней, следуя приказу своего сержанта, словно маленькие козлятки, охотно сошли с дороги, не длинной вереницей потянулись к указанному леску, находившемуся всего лишь в метрах тридцати от дороги. Листва с деревьев в октябре опала, но ее все же сохранилось достаточно много для того, чтобы этой листвой ребята были бы скрыты от любопытных взглядов с шоссе. Василий немного постоял на дороге, наблюдая за тем, как его призывники один за другим пересекают вспаханное поле, скрываясь в придорожном лесочке.

Наблюдая за ребятами, Василий одновременно прислушивался к подвывающим звукам. Достаточно быстро он убедился в том, что эти звуки явно приближались! Тогда свою тульскую бескурковую двустволку он снял с плеча, взял в руки и на всякий случай снял ее с предохранителя. Когда общий звук гула разделился на отдельные завывания мотоциклетных двигателей, то он прямо с полотна дороги спрыгнул в глубокий придорожный кювет. Его белый командирский полушубок сослужил хорошую службу, своим белым цветом он был незаметен на фоне снега в этом кювете. Там он плотно прижался грудью к его стенке, с замиранием сердца, ожидая появления немецких мотоциклистов.

– Васька, ты что совсем очумел?! Ребят в лесу оставил одних, без своего присмотра! Одним только этим ты можешь их погубить! Ведь, сейчас все они глупее самого глупого цып-

ленка, только что вылупившегося на белый свет. Каждый из них только ради утоления своего собственного любопытства может выглянуть из-за кустов, чтобы посмотреть, что это за шум на дороге?! – Снова, но на этот раз очень сердито, мысленно высказался Альфред Нетцке по поводу Васькиного поведения.

В этот момент на крутой дорожный пригорок, ревя мотором, взобрался первый мотоцикл с рулевым и стрелком на заднем седле. Рулевой и стрелок оба были одеты в темные прорезиновые плащи-пелерину, наглухо застегнутые по самое горло. Их шеи были обмотаны шарфами черного цвета, а на головах были каски темно-зеленого цвета. Васька всем своим нутром догадался о том, что перед ним немецкие мотоциклисты-разведчики. Он не успел в самом себе найти ответа на вопрос, откуда на этом шоссе, в глубоком советском тылу вообще могли бы появиться эти немецкие мотоциклисты-разведчики, как первый мотоцикл уже катился по пологому склону холма. На его же вершине появился еще один, затем третий мотоциклист. Вторым был колясочный мотоцикл с экипажем в три человека, за спиной рулевого сидел стрелок, в коляске дремал пулеметчик. Пулемет МГ13 был закреплен на вертлюге мотоциклетной коляски, сейчас он своим стволом смотрел в небо.

Скрываясь в кювете, замерев, Васька одним только шевелением губ вел подсчет количества мотоциклов, один за другим проходящими над его головой. В конечном итоге у него получилось пять одноместных, два двухместных мотоцикла, их экипажи насчитывали составляли шестнадцать немецких солдат. На своем вооружении они имели карабины, пистолеты и два пулемета МГ 13.

– Вась, сейчас над тобой проходит немецкий разведывательный взвод. Он обычно состоит из восьми мотоциклов, пятнадцати рядовых стрелков, четверых унтер-офицеров. Ты не досчитался еще одного колясочного мотоцикла с экипажем в три человека, он, видимо, отстал?! Так что ты, Вася, уж старайся быть более осторожным, понапрасну и на долго не высывайся из своего кювета. Эти мотоциклисты получили подготовку армейских разведчиков, заметив тебя, они тут же тебя уложат на месте!

Словно подтверждая мысль Альфреда, примерно через полчаса, когда Васька расслабился и совсем собрался покинуть свое убежище, на вершине холма появился еще один колясочный мотоцикл. Немец за рулем вел мотоцикл, прислушиваясь к работе его двигателя. Тот временами громко чихал, давал сбои, с ним что-то было явно не в порядке. Пулеметчик в коляске дремал, ни на что не обращал внимания! Стрелок за спиной рулевого посматривал по сторонам шоссе. Когда последний мотоцикл немецкого взвода мотоциклетной разведки должен был проследовать над его кюветом, Васька более тесней грудью вжался в его стенку. Звук работающего, почихивающего двигателя мотоцикла приблизился, затем он как бы остановился. Васька, прячась в своем кювете, хорошо расслышал, как немецкий мотоциклист, вырубив скорость, остановился чуть ли не прямо над его головой. Двигатель мотоцикла заработал ровным стрекотом, почихивания исчезали, когда он работал на холостом ходу.

Затем над его головой вдруг послышался голос одного из немцев:

– Эй, рус, ком, ком, иди сюда, сдавайся! – Затем этот голос перешел на немецкий язык со швабским диалектом. – Эй, ребята, выходи из леса, давай, поднимай руки вверх! Вальтер, приготовься, расстрелять из пулемета вон тех двух глупых русских подростков в форме красноармейцев. Они прятались вон в том придорожном лесу. Лейтенант Эрих Циммерман, командир нашего взвода, перед выездом на задание нам приказал пленных не брать. Сам видишь, что оставлять их в живых мы не можем, они нас увидели, могут сообщить своему командиру! Мы слишком уж глубоко забрались в тыл этим краснопузым, а нам еще предстоит добираться до поселка Петровский.

С замиранием сердца Василий подумал о том, что Альфред Нетцке оказался прав, когда говорил о глупом мальчишеском любопытстве! Кто из его парней из-за этого своего любопытства, видимо, покинул спасительный лес, решив, посмотреть, что же там происходит на шоссе,

почему их сержант до сих пор не появляется? Вот они и покинули этот лес, тут же попав на глаза немцам. В создавшейся ситуации, чтобы спасти своих ребят, он теперь должен был действовать решительно, а главное – быстро, пока сюда не вернулись остальные мотоциклисты немецкого взвода разведки.

Васька осторожно приподнял свою голову над кюветом, ему нужно было сначала осмотреться, оценить сложившуюся обстановку. Прямо перед своими глазами он увидел грязный, в дорожной грязи, с топтанным каблуком сапог немецкого солдата, оба колеса мотоцикла. В его переднем седле восседал немец-мотоциклист, обеими руками он держался за руль мотоцикла. За его спиной, в заднем седле мотоцикла сидел еще один немец, но это был совсем молодой парень.

Пулеметчика Васька пока не видел, монументальная фигура рулевого перегораживала ему вид на этого немца. Причем, пулеметчик стал наиболее опасным из этих троих немцев. Если первые двое так и не притронулись к своему оружию, их карабины, как висели, так и продолжали висеть за их плечами. то пулеметчик, как полагал Васька, уже должен был изготавиться к стрельбе.

В своих плащах-пелеринах, с зелеными касками с рогами на головах рулевой и стрелок смотрелись, как настоящие исчадия ада!

Эти двое немцев не могли видеть Ваську у себя под ногами, прятавшегося в кювете рядом с их мотоциклом. В данный момент их внимание было привлечено ко всему тому, что происходило за его спиной. Снова над его головой послышался новый голос, это заговорил стрелок, он даже привстал на опорных подножках, чтобы ему было лучше увидеть все то, что сейчас происходило на вспаханном поле перед шоссе:

– Вальтер, ты подожди, не стреляй! Этых русских болванов было не два человека, их шестеро! Ты только посмотри, они подняли руки вверх, идут сдаваться к нам в плен! Вальтер, открывай огонь, как он они подойдут к шоссе! Тогда ты их всех положишь всего лишь одной очередью!

Понимая, что у него нет больше времени на раздумья, еще минута и его товарищей немцы расстреляют из пулемета. Тогда Васька обеими руками крепко ухватился за голень ноги рулевого мотоцикла, со всей своей силой рванул его на себя. От полной неожиданности, с коротким вскриком испуга тот вылетел из седла своего мотоцикла. Получилось так, как Васька запланировал, этот немец-рулевой свалился к нему в кювет. Он все еще находился в ступоре, испуганными глазами уставившись в лицо Васьки. Этот его страх выбил из немца способность сопротивляться, хотя по телосложению он был матерее, сильнее своего противника! Васька коротко размахнулся, своим кулаком он ударил немца в висок. Тот моментально обмяк, голова обвисла, от сильного удара кулаком он потерял сознание, так и не успев оказать сопротивления. Васька, понимая, что у него попросту нет времени на продолжение схватки с этим немцем, выхватил из его ножен, болтавшихся на пояском ремне, ножевой штык, несколько раз им ударил его в грудь, погружая ножевой штык в немецкую плоть по самую рукоятку!

Затем не теряя времени, Васька схватил тульскую двустволку, одним скачком выскочил из кювета на проезжую часть шоссе. Из обоих стволов двустволки дуплетом он из нее выстрелил в немецкого пулеметчика, уже щекой прильнувшего к прикладу пулемета. Как оказалась, двустволка Полины была заряжена патронами с дробью для охоты на мелкую дичь.

Двойной выстрел был произведен с близкого расстояния, дробь кучно поразила немца, попав ему в лицо. Пулеметчик громко вскрикнул, обеими руками схватился за свое лицо, пальцы его рук тут же окрасились в красный цвет, между ними начала просачиваться его кровь. Васька все же успел заметить, что охотничья дробь лицо немца превратила в подобие мясной фарш, не оставила на нем ни одного живого места. Видимо, боль в области лица оказалась настолько сильной, нестерпимой, что сердце этого немецкого пулеметчика ее не выдержало,

оно остановилось, перестало биться. Таким образом, немецкий пулеметчик скончался от болевого шока, когда его лицо превратилось в кровоточащую рану!

В этот момент молодой немец-стрелок крупной рысью успел отбежать шагов на двадцать от мотоцикла. Этот молодой парень, забыв о карабине, болтавшегося за его спиной, почему-то решил свою жизнь спасти бегством. Он бежал по шоссе, не сворачивая, время от времени совершая длинные прыжки? Васька достал свой «Вальтер», прицелился и дважды нажал курок пистолета. Стрелок как-то странно споткнулся, всем телом развернулся в сторону Васьки. Затем сделал движение плечом, словно собирался карабин сбросить с плеча, всем телом вперед рухнул лицом вниз на грязное шоссе.

Васька почему-то был совершенно уверен в том, что он убил немца. Поэтому он даже не стал к нему подходить, проверять его сердцебиение. Он развернулся в сторону леса, в котором по его приказу должны были остановиться на привал призывники его группы. В той стороне он увидел примечательную картину, шесть парней его группы, опустив головы чуть ли не до самой земли, брели по заснеженной тропинки через вспаханное поле к шоссе. Они шли вереницей, подняв руки над головами. Васька вдруг почувствовал боль в сердце, он себе представил, что сейчас могли чувствовать его ребята?! Обезоруженные, брошенные им на произвол судьбы, они шли сдаваться немцам в плен!

– Эй, товарищи призывники, быстрее передвигайте ногами! Вам больше некому сдаваться в плен! Я всем вам приказываю, опустить руки! Бегом, все быстро ко мне! – Васька скомандовал громким, спокойным голосом.

Ошеломленные прозвучавшей командой, ребята удивленно остановились, опустили руки, подняли головы. В течение, пожалуй, минуты они с величайшим удивлением разглядывали своего сержанта, стоявшего рядом с немецким мотоциклом.

– Ребята, почему остановились? Берите ноги в руки, бегом быстро ко мне! – Васька снова повторил свою команду.

В тот момент Васька хорошо понимал, что они должны, как можно быстрее покинуть это место! В их распоряжении было очень мало времени, минут пять-семь на то, чтобы собрать оружие, бежать, куда глаза глядят. Со своим горе-воинами, шестью неопытными парнями-призывниками ему попросту не справиться с четырнадцатью опытными немецкими разведчиками! Услышав ружейные и пистолетные выстрелы, они, наверняка, обратно вернуться! Немецкая разведка вряд ли сможет продолжать выполнять боевую задачу, не выяснив, что же произошло за их спиной, почему вовремя не вернулись оставшие разведчики?!

Васька подошел к коляске мотоцикла. Труп умершего пулеметчика он оторвал от приклада пулемета, осторожно опрокинул его на спинку сидения коляски. Сам же попытался снять МГ 13 с вертлюги, с колясочной турели. Видимо, он слишком уж спешил, из-за этой спешки ему не удалось расстегнуть замок вертлюги, снять пулемет с турели коляски. Чертыхаясь, Васька понял, что он понапрасну теряет время, он прекратил возиться с пулеметом и, поднял голову, осмотрелся вокруг себя. Ребята были уже всего лишь в нескольких шагах от шоссе, тогда он громким сержантским голосом им приказал:

– Семен и Илья, не теряя времени у убитого немецкого солдата, сейчас лежащего в дорожном кювете, заберите карабин с подсумками для патронов. С его пояса снимите ремень со всем, что на нем закреплено. Тело убитого обшлите. заберите все найденные вами документы, письма!

– Мы вряд ли сможем это сделать, товарищ сержант! – Каким-то испуганным голосом в ответ ему простонал Илья.

Васька застыл на месте, до глубины души пораженный только что прозвучавшим отказом из уст красноармейца. Но вовремя он вспомнил о том, что его необученные, не принявшие красноармейской присяги призывники еще не стали красноармейцами. Поэтому он не в праве

требовать от них беспрекословного выполнения его приказов. Он тяжело выдохнул, а затем нормальным, человеческим голосом попросил:

– В этом случае вам обоим, парни, придется заняться тем, чтобы этот пулемет снять с колясочной турели. Я же сам займусь осмотром трупов немцев! Остальные четверо не стойте без дела, займитесь сбором оружия, помогайте мне и своим товарищам. Только постарайтесь работать быстро, без ненужного столпотворения в одном месте. Вы мне поверьте, ребята, что вам в будущей армейской жизни пригодится любой боевой опыт, так что лучше старайтесь выполнять мои просьбы!

Немного подождав, чтобы удостовериться в том, что парни заняты выполнением порученными делами, одним прыжком Васька снова скатился в придорожный кювет. Там он быстрыми движениями рук стянул с плеча мертвого немца карабин, нагрудные подсумки с патронами, расстегнул и снял поясной ремень с пистолетной кобурой, с пустыми ножнами, штык все еще торчал из груди немца. Во внутренних карманах шинели, плаща-пелерины он нашел солдатскую книжку, небольшую кипу писем из дома. Все собранные вещи он побросал в снятый с плеч убитого солдатский плащ-пелерину, связал его в тюк. С этим тюком в одной руке, с карабином в другой он вылез на шоссе.

Там Васька, расслышав рокот двигателей приближающихся мотоциклов, вдруг понял, что он все-таки опоздал. Теперь они все вовремя не успеют покинуть это место на шоссе!

– Парни, кто из вас умеет стрелять из карабина или из винтовки? – Не теряя времени, Васька поинтересовался.

– Мы все умеем стрелять из охотничьих ружей, товарищ командир! – Вперед выступил его тезка Василий Семенов. – Но еще во время учебы в школе я стал «Ворошиловским стрелком»³! Имею соответствующую грамоту и значок! Правда, они у меня остались дома, в селе Подкаменки. Уходя в армию, я подумал, что эти бумаги мне в армии не пригодятся!

– На, возьми вот этот карабин, вот к нему патроны! – И Васька в руки паренька сунул немецкий карабин «Маузер 98к», подсумки с патронами. – Даю тебе две минуты на ознакомление с этим карабином. Но прежде забирайся в кювет, из которого я только что выбрался. Там замаскируйся. Прицельный огонь по немцам будешь вести только после того, как я из пулемета открою огонь по немцам! А вы, деревенская шпана, спрячьтесь где-нибудь за нашими спинами. Я специально прослежу за тем, чтобы вы немцам больше в плен бы не сдавались!

³ **Ворошиловский стрелок** – нагрудный значок Осоавиахима и РККА для награждения молодых метких стрелков.

3

В самую последнюю минуту к обоим Василиям присоединился призывник Афанасий Носов. Пока сержант разговаривал с Васькой Семеновым, он из кобуры, висевшей на поясе убитого пулеметчика, вытащил револьвер «Наган» вместе с кисетом запасных к нему патронов. Сейчас Ваське было уже некогда проводить воспитательную работу, объяснять призывнику, что в армии все дела исполняются только по приказу старшего по званию командира, что в ней нет места чьему-либо самовольству. Поэтому призывник Носов попросту не имел права самовольно обыскивать труп немецкого пулеметчика! Тем более, присваивать себе обнаруженное им его оружие?!

Как сержант, как командир группы этих молодых балбесов, Васька на время как бы забыл об этом неуставном инциденте, он только утвердительно кивнул головой, как бы подтверждая свой приказ Афанасию, и одновременно поясняя:

– Револьвер в бою мало эффективен на больших дистанциях! Он имеет убойную силу всего лишь на пятьдесят – сто шагов! Поэтому, призывник Носов, я тебе приказываю, ты вместе с Васькой Семеновым полезай в кювет. Там своим револьвером будешь охранять спину нашего Ворошиловского стрелка от внезапного вражеского нападения.

– Так точно, товарищ Василий, будет исполнено! – Ответил Афанасий Носов.

– Нет, не правильно ты ответил, призывник Носов! Ко мне следует обращаться не товарищ Василий, а «товарищ командир» или «товарищ сержант»! На мой приказ ты, Афанасий, должен был бы ответить: «Так точно, товарищ командир! Будет исполнено!»! А ну-ка, парень, повтори!

– Так точно, товарищ командир! Будет исполнено!

Подобным поведением с призывниками перед самым началом боя Васька пытался заставить их перебороть в себе свой же страх перед встречей со страшным немцем! Влить в них, в их души хотя бы немного веры в то, что они сами не лыком шиты, что с оружием в руках они могут выстоять против любого противника! Да и самого себя таким обращением со своими как бы подчиненными ему призывниками он пытался убедить в том, что он сумеет этих шестерых уральцев сделать настоящими красноармейцами! Ведь, все они родились на Урале, с малых лет были приучены к тяжелому крестьянскому труду, с отцами ходили на охоту и рыбную ловлю, знали, почем фунт лиха!

– Вам же, парни, – Васька обратился к остальным призывникам, оставшимся без оружия, – придется тела убитых пулеметчика и стрелка сбросить в придорожный кювет, но это нужно сделать так, чтобы их товарищи не смогли бы увидеть их тела, находясь на шоссе. А затем сами попрячьтесь в том же кювете! Во время перестрелки ни в коем случае своих голов оттуда не высовывайте, не то вас немцы смогут подстрелить по вашей же глупости!

Пока призывники занимались порученными делами, Васька занялся освоением своего нового пулемета МГ13. Первым делом он собирался быстренько ознакомиться с его устройством. К этому времени пулемет уже стоял на сошках прямо на шоссе. Его призывники оказались смекалистыми людьми, они сумели сделать то, чего он ранее так и не смог сделать! Практически в одно мгновение Иван Понкратенко расстегнул замок крепления пулемета на вертлюге.

Разобравшие в устройстве пулемета, сержант Васильев проверил заряжен ли он, подсоединен ли к нему магазин с патронами, сколько патронов в этом барабанном магазине. Убедившись, что с пулеметом все в порядке и он заряжен, Васька его переброешил себе на плечо, и легкой трусцой перебежал шоссе на противоположную сторону. Там он скатился в придорожной кювет, откуда открывался прекрасный сектор обстрела большого участка шоссе Тула –

Одоев. Немецкие мотоциклисты обязательно в него попадут, как только вынырнут из очередного дорожного поворота.

К этому времени Василий Семенов вместе с Афанасием Носовым затаился в кювете напротив его пулеметной позиции. Эти две позиции позволяли вести обстрел колонны немецких мотоциклистов с двух сторон, не мешая друг другу.

Свой МГ 13 Васька поставил на сошки, снял его с предохранителя, рычажок «режим огня» перевел в позицию «автоматический огонь», щекой прильнул к его прикладу. Теперь он был готов в любую секунду открыть из него огонь. В этот момент Афанасий Носов, опять-таки действуя по собственной инициативе, поднес ему еще два пулеметных магазина по семьдесят пять патронов каждый. Только-только Афанасий успел обратно перебежать дорогу, чтобы спрыгнуть в кювет, где Василий Семенов занял позицию, как послышался громкий стрекот мотоциклов. Вдали на шоссе показалась колонна немецкой разведки. Правда, ей еще предстояло совершить один поворот, затем перейти в затяжной подъем на холм, на середине склона которого Васька вместе со своими призывниками занял оборону.

Облокотившись локтями на бровку кювета, Васька наблюдал за продвижением колонны немецких мотоциклистов. В тот момент он испытывал странные чувства, какое-то душевное облегчение, наконец-то, он покажет этим горе-завоевателям, где раки зимуют! Но в тоже самое время его одолевал беспричинный страх, причем это был страх не за самого себя! Он очень боялся за своих ребят, как бы они снова не наделали бы глупостей во время предстоящего боя, как бы они снова подставились бы под немецкие выстрелы?! Поэтому всеми фибрами своей души сержант Васильков желал, отдалить начало боя на более поздний срок. Но немецкая колонна на обратном пути передвигалась более быстро, чем, когда двигалась в противоположную сторону.

– Сейчас ты, Вася, особо не мельтешишь, не спеши открывать огонь из своего пулемета. Подпусти мотоциклистов, как можно ближе, и только тогда открывай кинжальный огонь на поражение, желательно стрелять в упор. Имей в виду, что эти парни на мотоциклах умеют воевать в любых ситуациях на поле боя! Если ты их не перебеешь, то позднее они гранатами покончат с тобой, с твоим пулеметом. К тому же ты, как пулеметчик, ты работаешь на свой страх и риск, без пехотного и артиллерийского прикрытия и поддержки. Уничтожив тебя, они затем, как на охоте, перестреляют твоих призывников! – Подсказывал Альфред Нетцке.

Прикусив нижнюю губу, Васька терпеливо ожидал момента, когда в его секторе обстрела появятся все скопом мотоциклисты-разведчики. Не прошло и минуты, как один за другим немецкие мотоциклисты стали выезжать из-за поворота, пересекать границу его сектора обстрела. В тот момент, когда все семь мотоциклов со своими экипажами оказались в секторе обстрела, то Васька, более не колеблясь, нажал курок пулемета. МГ 13 заработал, он застрекотал ровным, глуховатым стуком, словно хорошо отлаженная швейная машинка «Зингер». Пулевым свинцом, брызнувшим из ствола своего МГ 13, он выбил из седел экипаж мотоцикла, следовавшего первым в колонне, в упор расстреляв его рулевого и стрелка! Затем огонь из пулемета Васька перенес на экипаж последнего мотоцикла колонны. И в этом случае он вывел из строя весь экипаж и этого мотоцикла, опять-таки состоявшего из рулевого и стрелка.

Таким образом, сержанту Василькову удалось из разбитых пулями мотоциклов, убитых членов их экипажей создать помехи в начале и в конце колонны. В результате, колонна немецких мотоциклистов была вынуждена остановиться. Она вся оказалась под огнем вражеского пулеметчика, мотоциклисты потеряли способность продвигаться вперед или вернуться назад с тем, чтобы уйти из-под пулеметного огня!

В ровном стрекоте своего пулемета Васька вдруг расслышал, как гулко ухнул выстрел из карабина «Маузер 98к». Взмахнув руками, поник головой рулевой второго мотоцикла. Его мотоцикл с коляской резко свернул влево, прямо с шоссе он вместе с экипажем свалился в природный кювет. Таким образом, одним выстрелом Василий Семенов вывел из строя немец-

кий пулемет МГ 13. Оставшиеся в живых пулеметчик и стрелок с этого мотоцикла покинули свои места, они зайцами запрыгали по вспаханному полю, пытаясь убежать от своей гибели.

Видимо, повинуясь команде своего командира, пытаясь выйти из-под внезапного обстрела вражеского пулеметчика, экипажи оставшихся четырех мотоциклов начали разезжаться в разные стороны. По выполняемым ими маневрам Васька догадался, что эти экипажи попытаются найти съезды с дороги, чтобы уйти из-под смертельного пулеметного огня. Одновременно немецкая сторона пыталась найти позицию, которая ей бы позволила сохранить мотоциклы и в полной мере использовать свои пулеметы. Стрелки, занимавшие сиденья за спинами рулевых, один за другим стали их покидать. Низко пригибаясь к земле, они попытались укрыться в придорожном кювете, проходившего по обеим сторонам шоссе.

– Эх, парни, парни, что же вы творите?! Так нельзя воевать! Похоже, что мы зря потратили время вас обучая, как нужно себя вести во время боя! Как следует искать выход из трудного положения в ходе боя! – Мысленно проворчал Альфред Нетцке, комментируя поведение немецких мотоциклистов. – Если во время учений наши будущие стрелки проявляют ум и смекалку, то и на поле боя они всегда находят правильный выход из любого сложного положения! Но случилось и такое, что мы в данный момент наблюдаем. Попав под кинжальный огонь твоего пулемета стрелки вместо осознанного отпора, впадают в панику, теряют головы и бегут с поля боя! Вместо того, чтобы на мотоциклах метаться по шоссе под пулеметным огнем противника, им следовало бы давно покинуть эти мотоциклы, стрелки должны были бы залечь. Затем прицельным огнем из карабинов и гранатами нужно было бы попытаться уничтожить вражеского пулеметчика! Эти же мотоциклисты трусливо пытаются скрыться, бросая на произвол судьбы своих же товарищей! Огневному контакту с противником, они предпочли постыдное бегство!

С своей позиции Васька хорошо просматривал участок шоссе, превратившийся в поле боя! Он хорошо видел, как немцы были вынуждены все-таки побросать свои мотоциклы и спастись бегством с поля боя. Только один из них попытался открыть ответный огонь из турельного пулемета! Но его застрелил начинающий снайпер Василий Семенов, он этому пулеметчику попал в голову, тот из мотоциклетной коляски свалился на дорогу.

В этот момент два других немецких стрелка из экипажа колясочного мотоцикла, свалившегося к придорожному кювету, уже почти добежали до леса и вот-вот они должны были в нем скрыться. Но Васька Семенов всего лишь двумя выстрелами их навечно успокоил. К этому времени закончились патроны в обойме его карабина, тогда он принялся его перезаряжать. Васька же тем временем стал вести огонь короткими очередями, одного за другим выбивая немецких стрелков, все еще продолжавших метаться по шоссе. К тому моменту, когда замолчал его пулемет, в барабанном магазине закончились, то на шоссе уже лежало семь трупов. Последними патронами первого магазина Васька прикончил еще двух немецких стрелков, после чего его пулемет прекратил ровно стрекотать.

Два последних немца вскочили на ноги и, перепрыгивая через борозды, словно горные архары, продолжали бежать к лесу, надеясь там для себя найти спасительное укрытие! В этот момент, в гулкой тишине послышался особенно громкий выстрел из карабина, это снова стрелял Васька Семенов, его тезка и Ворошиловский стрелок! Его выстрел снова оказался снайперским. Бегущий вторым к перелеску немец, вдруг остановился, начал было своим телом разворачиваться, но он затем он попросту упал между бороздами и не смог подняться на ноги. Тут же послышался громкий, радостный крик этого деревенского мальчишки:

– Я попал! Я снова попал в этого немца! Я долго прицеливался, но сумел ему прострелить голову!

Чтобы лучше видеть убитого им немца, весь взбудораженный своим первым боем Васька Семенов приподнял свою голову над кюветом. На долю секунды этот русский паренек забыл об осторожности, о том, что перед ним в поле все еще прячется недобитый враг! Да и сержант Василий не успел своим окриком вовремя остановить этого несвоевременного проявления вос-

торга своим тезкой, Васькой Семеновым. К тому же, к великому сожалению, они оба на тот момент находились по разные стороны шоссе. Васька к этому времени успел перезарядить свой МГ 13, но он сумел увидеть, как острая немецкая пуля впиалась этому парню в центр его лба.

Васька Семенов долго не мучился, он мгновенно умер, немецкая пуля поразила и разрушила его головной мозг! Взбешенный смертью своего младшего тезки, Васька поднялся в полный рост на ноги и, держа в руках перезаряженный пулемет, пошел на трех оставшихся в живых немецких стрелков, залегших в колхозной борозде. Когда он увидел немецкие головы, торчавшие над бороздой, то нажал его спусковой курок. Из пулемета он стрелял и стрелял до тех пор, пока в магазине не кончились патроны, трое немцев так и остались лежать в борозде, никто из них больше не поднимал своей головы!

Василий подошел к кювету, на бровке которого покоился Васька Семенов с разбитой немецкой пулей головой, мертвый мальчишка все еще продолжал улыбаться! На дне кювета лежал, скрючившись, и дико ревел Афанасий Носов, его лицо было сплошь забрызгано кровью друга. Временами он пальцами рук пытался вытереть кровь со своего лица, но лишь ногтями пальцев его только расцарапывал. Потихоньку из своих убежищ выползли Ванька Понкратенко, Степан Николаев, Колька Лихолетов и Семен Власов. Все трое были сильно напуганы смертью своего товарища и друга Васьки Семенова. Они стояли над кюветом, смотрели на его мертвое тело, и глазам своим они не верили. Не вели в то, что это он, их Васька Семенов, лежит с разбитой головой на бровке придорожного кювета!

– Васька, почему ты молчишь? Черт тебя подери, парень, тебе уже давно пора выйти из прострации! Ты же сержант, командир над своими призывниками! Война есть война, на ней каждый день гибнут люди! Возможно, завтра погибнем и мы с тобой! Только сейчас прикажи своим призывникам заняться делом, нужно похоронить товарища, собрать оружие и мотоциклы в одном месте на дороге! Не то твои парни превратятся в тюфяки, они никогда не смогут стать солдатами...

– Красноармейцами! – Безучастным голосом Васька поправил Альфреда Нетцке.

Он не ожидал, что смерть призывника Василия Семенова на него произведет такое глубокое впечатление! За свою короткую жизнь Васька повидал уже немало смертей. Рядом с ним гибли и незнакомые ему люди, и люди, которых он хорошо знал, которые ему были очень дороги! Но смерть от немецкой пули его тезки, совсем молодого уральского парня, поразила его до глубины души, так как Васька Семенов стал первым бойцом его отделения, принявшего смерть в бою!

– Не все ли равно, как называть солдата! Этого парня, как и многих других, призвали в армию защищать родину! Повторяю, война есть война и на ней гибнут солдаты с обеих сторон! Василий, я тебе говорю, перестань, черт тебя подери, распускать свои чувства! Ты старший, у тебя больше жизненного опыта! Заставь работать свою мелюзгу, не дай им превратиться в нытиков, тюфяков, ты обязан сделать их солдатами! – Продолжал настаивать Альфред Нетцке. – Никто другой, кроме тебя, сейчас не может этого сделать! Иначе, вы и до фронта не дойдете, а дезертируете по дороге!

Васька опустил приклад пулемета к земле и строгим голосом отдал команду:

– Понкратенко и Николаев, займитесь мотоциклами, их нужно согнать в одно место вне этого шоссе. После чего вы тщательно их обыщите. Лихолетов и Носов разыщите в мотоциклах саперные лопатки. Ими выройте могилу для Василия Семенова, желательно на возвышенности, в стороне от шоссе. Могила должна быть в два метра глубиной. Земля пока еще не замерзла, так что ее можно копать. Николаев и Власов, обойдите убитых немцев, соберите их оружие, карабины и пистолеты. Обо всем найденном мне сообщайте! Носов, прекрати реветь, утри свои слезы, ты призывник, будущий красноармеец, а не красна девица!

Альфред Нетцке оказался прав, приступив к выполнению порученных сержантом работ, выполняя их, призывники на время как бы забыли о смерти своего друга. Его тело сам Василий

с помощью Афанасия Носова вытащил из кювета. В нагрудном кармане гимнастерки погибшего он нашел справку райвоенкомата о призыве в армию, три письма из дома и фотографию девчонки лет семнадцати! Эти документы Василий переложил в карман своей гимнастерки, вдвоем с Афанасием они тело перенесли к могиле, которую немецкими саперными лопатами копали Колька Лихолетов и Семен Власов, который заменил Афанасия Носова.

Дождаясь, когда могила будет выкопана, Василий занялся учетом захваченных трофеев. К его удивлению, этих трофеев совершенно неожиданно для него оказалось очень много. Во-первых, все семь мотоциклов, два с коляской, остальные без коляски, достались им в полном техническом порядке, заводи и поезжай, как говорится! Причем, бензобаки были заполнены до горловины, видимо, этот взвод только-только отправился в разведку, предварительно заполнив бензином бензобаки своих мотоциклов.

Во-вторых, у них теперь было еще три немецких пулемета МГ13, все они были с полным боекомплектом. двенадцать карабинов «Маузер 98к», а также шесть пистолетов, из них два парабеллума, два «Вальтера» и два чешских пистолета «Зброевка» по четыре обоймы к каждому пистолету. Васька не постеснялся, вместе с Носовым сам обошел, обыскал трупы убитых немцев. В результате их трофеи пополнились ножевыми штыками, шинелями и прорезиновыми плащами с пелеринами, а также хорошими солдатскими сапогами.

Когда могила была выкопана, Василий лично тело Василия Семенова завернул в один из немецких прорезиновых плащей. Дно могилы ребята устлали хвоей деревьев, принесенной из перелеска. Затем он построил ребят в шеренгу, вручил им карабины в руки, предварительно продемонстрировав, как следует с ними обращаться, стрелять. Сам же вместе с Афанасием Носовым спустил тело Василия Семенова в могилу. Затем они оба встали в общую шеренгу. Васька сделал шаг вперед, сказал короткую прощальную речь:

– Спи спокойно наш дорогой товарищ и друг, Василий Семенов! Пусть земля будет тебе пухом. Мы за тебя отомстим! В честь нашего друга и товарища приказываю произвести трехкратный салют, выстрелами из карабинов!

На могильный холмик павшего друга, Ванька Понкратенко соорудил. поставил православный крест из веток. Вскоре по шоссе Тула – Одоев двигались два мотоцикла с колясками и один мотоцикл без коляски.

4

Появление шестерых уральских призывников в штабе 217-й дивизии встретили не то, чтобы прохладно, вначале на них никто из штабных командиров попросту не обращал внимания. Так как все командиры были по горло загружены работой по организации предстоящей передислокацией или, проще говоря, отходом дивизии в Тулу.

217-я стрелковая дивизия вела тяжелые оборонительные бои в Одоевском районе Тульской области.

С августа и по октябрь месяца дивизия вела постоянные бои с наступающими немцами. Ее полки то отбивали немецкий атаки, то сами ходили в контратаки. Дивизия предпринимала невероятные усилия для того, чтобы любой ценой удержать свой рубеж обороны. В результате она то попадала в окружение, то пробивалась из него. К концу октября месяца в этой дивизии осталось всего лишь полторы тысячи красноармейцев, в тяжелых оборонительных боях с немцами была потеряна практически вся тяжелая артиллерия, автотранспорт и бронетехника. В результате дивизия была вынуждена перейти на гужевой транспорт, полки же этой дивизии с одного участка обороны на другой переходили пешим порядком.

К слову сказать, что порой 217-й дивизии крупно везло, ее командиру удавалось вовремя реагировать на попытки немецкого командования ее окружить и полностью уничтожить. В октябре она оказалась в стороне от направления главного немецкого удара, наносимого немецким командованием вдоль автострады Белгород – Курск – Орел – Тула – Москва! Командование Брянского фронта неоднократно поручало 217-й стрелковой дивизии выполнять серьезнейшие задачи по удержанию флангов фронта, не позволяя противнику выходить на оперативный простор! Вот и в эти дни дивизия вела тяжелейшие оборонительные бои, медленно отходя к Туле.

Пополнение из пяти уральских призывников во главе с сержантом Васильковым прибыло в 217-ю стрелковую дивизию уже затемно 27-е октября 1941 года. Из Тулы командиру дивизии только что поступил приказ о передислокации дивизии в Тулу. Поэтому штаб дивизии тут же приступил к разработке плана о ее передислокации на новый рубеж обороны. Командир дивизии полковник Михаил Грачев вместе со начальником штаба, начальником оперативного отдела дивизионного штаба обсуждал наметки этого плана передислокации. В этот момент дежурный командир по штабу его проинформировал о том, что на пополнение дивизии только что прибыли уральцы. Полковник Грачев, думая о том, что, наконец-то, в штабе Брянского фронта вспомнили об его дивизии, решив ее пополнить, сразу же оживился, поинтересовался:

– Ну, и какое это пополнение? Наверняка, все они молодец к молодцу! Комиссар, что ты думаешь по этому поводу? Давай, выйдем из штаба, вместе посмотрим на этих уральцев, прежде чем их всех распределили по полкам!

Бригадный комиссар Дмитрий Васильевич Васильев грустно посмотрел в глаза полковнику Грачеву, тихим голосом ему объяснил:

– Это не совсем то, о чем ты подумал, Михаил Алексеевич! Это не пополнение в истинном понимании этого слова! Тула нам прислала всего лишь шесть призывников. Они не прошли курса подготовки молодого красноармейца, еще не приняли красноармейской присяги. Их к нам привел один бывалый сержант, вот он немного повоевал. Если судить по его рапорту, то Тула не дождалась нашего командира, который якобы должен был бы забрать этих уральцев и сопроводить их к нам в Одоев. Но все дело в том, что об этих шестерых уральцев, которых выделили нам в качестве пополнения, мы и не слышали! Но, тем не менее, они прибыли к нам своих ходом, с приключением по дороге. Во время перехода до Одоева они наткнулись на немецкую разведку, она вела разведку шоссе Тула- Одоев. Самым непонятным образом эта группа призывников покончила с целым немецким разведвзводом, к нам же эти призывники

пришли с захваченным немецким оружием и на немецких мотоциклах! Правда, в этом бою с немцами они потеряли одного своего товарища.

Полковник Грачев на секунду задумался, а затем отдал приказ, обращаясь к заместителю начальника штаба дивизии, начальнику оперативного отдела майору Алексееву:

– Николай Александрович, вы, пожалуйста, займитесь этими призывниками. Думаю, если они уж проявили настоящую солдатскую смекалку, находчивость в бою с немецкой разведкой, то у нас приживутся. К сожалению, наградить мы их не можем, так как они не красноармейцы, к тому не числятся в составе нашей дивизии. Но думаю, что было бы правильно всех их передать в распоряжение роты капитана Дубасова. Его разведрота потеряла две трети бойцов, сейчас она с большим трудом выполняет возложенную положенную на нее работу. Так что эти уральцы будут к самому времени нашему Дубасову. Ну, а мы, товарищи командиры, продолжим свою работу по составлению оргплана по передислокации дивизии в Тулу.

Майор Николай Алексеев, получив приказ командира дивизии, тут же вышел во двор школьного здания, где увидел примечательную картину. В самом центре школьного двора стояли три немецких мотоцикла «Цундап [KS750](#)»⁴, два мотоцикла имели коляски с пулеметами, закрепленных на турелях, а один мотоцикл такой коляски не имел. Рядом с ними находилась группа красноармейцев, одетых в теплые полшубки, на ногах у них были кирзовые сапоги. За плечами у всех парней висели немецкие карабины «Маузер 98к», а на ременных поясах болтались немецкие кобуры с пистолетами.

Майор Николай Алексеев, направляясь к этой группе призывников, подумал о том, что эти будущие красноармейцы, несмотря на свою молодость, производят очень неплохое впечатление. В них проглядывают черты того, что они могут стать очень неплохими красноармейцами, хорошими бойцами.

Сегодня большинство бойцов его родной дивизии составляли плохо одетые, обутое красноармейцы. К тому же им пока еще не выдали теплого, зимнего обмундирования. На них все еще были шинели, пошитые из тонкого шинельного сукна. Такая шинель не очень-то хорошо грела холодными зимними ночами! Все бойцы дивизии сейчас ходили в хлопчатобумажных гимнастерках, в красноармейских полотняных галифе. Они были обуты в ботинки, пошитые из грубой кожи, с обмотками до колен. Эта солдатская одежда плохо грела по зимним ночам, ботинки с обмотками были очень неудобны и во время переходов, и в окопах. В этой обуви красноармейцы постоянно сбивали, натирали ноги. Да и вооружены они были в основном Мосинскими винтовками, первые автоматы ППД⁵ только-только появились в некоторых дивизиях Брянского фронта!

Словом, эти уральские призывники были одеты в хорошее зимнее обмундирование, даже бойцы комендантской роты по красноармейской одежде не могли с ними сравниться. Подойдя к группе уральских призывников, майор Николай Алексеев в задумчивости остановился. Он впервые оказался в подобной ситуации, когда должен был обратиться не к красноармейцам, а к простым сельским парням, призывникам. Отметая его сомнения, эти пока еще не красноармейцы выстроились в некое подобие шеренги, подтянулись, вобрав в себя пока еще не существующие животы.

Профессионально печатая шаг, из строя вышел, к нему направился ладный парень, в его петлицах красовались два треугольничка сержанта.

⁴ В конце 30-х годов на заводе Zündapp Werke GmbH, расположенном в г. Нюрнберг, был разработан и принят на вооружение Вермахта мотоцикл KS 750. Он предназначался для движения по тяжелому бездорожью и обладал повышенной проходимостью и маневренностью, а также, использовался для разведки, перевозки личного состава и различных грузов и эвакуации раненых.

⁵ **7,62-мм пистолеты-пулемёты образцов системы Дегтярёва 1934, 1934/38 и 1940 годов** – модификации пистолета-пулемета, разработанного советским оружейником Василием Дегтяревым в начале 1930-х годов. Первый пистолет-пулемёт, принятого на вооружение Красной армии.

Остановившись перед майором к трех шагам, как и было положено по уставу, сержант приложил правую руку к шапке-ушанке, четким командирским голосом отрапортовал:

– Товарищ майор, отделение призывников в составе пяти призывников-бойцов прибыло для пополнения, для дальнейшего продолжения службы в 279-й разведывательной роте 217-й стрелковой дивизии! Рапорт сдал, сержант Васильков.

– Как же так получилось, товарищ сержант, что ваше отделение прибыло для службы в нашу дивизию, не приняв красноармейской присяги, не пройдя курса обучения молодого красноармейца?

– Не могу знать, товарищ майор! Только могу вас проинформировать о том, что более четырехсот таких же, как мы, уральских призывников прибыло в Тулу. Все они в качестве пополнения распределены по различным подразделениям Рабоче-Крестьянской Красной армии, обороняющихся на подступах к городу Тула!

– Ну, а ты, сержант Васильков, расскажи, как из призывников вдруг стал сержантом?

– Капитан Лавриненко, комендант Александровских казарм в Туле, вчера вечером лично принял у меня красноармейскую присягу, а также экзамен на звание «сержант». Затем он данной ему властью произвел меня в сержанты, сделав соответствующую запись в моей красноармейской книжке.

– Ну, да ладно, сержант, так и быть я поверю тебе на слово! Мне сейчас попросту некогда рассматривать твою красноармейскую книжку. С твоим же отделением, сержант, я думаю, что мы поступим следующим образом. Пока бойцы твоего отделения еще не стали красноармейцами, то немецкое оружие, немецкие мотоциклы они должны сдать в комендантскую роту нашей дивизии. Разрешаю самому себе оставить оружие, скажем, немецкий карабин и пистолет, все остальное оружие, особенно пулеметы с боезапасом, ты должен сдать старшине роты под расписку. Позже я проверю выполнение своего приказа! Я также распоряжусь о том, чтобы вас накормили на нашей дивизионной кухне. После ужина ты со своим отделением должен будешь отправиться в распоряжение роты капитана Дубасова, командира нашей дивизионной разведроты. Его рота сегодня на ночь расположится в четырех километрах от нашего городка, в деревушке под названием Николо-Жупань. Время сейчас позднее, в тылах нашей дивизии пока еще тихо, так что ты, сержант со своим отделением, спокойно доберешься до этой деревушки. Там ты уже с капитаном Дубасовым решаешь все вопросы касательно обучения своих бойцов владению винтовками, принятием красноармейской присяги!

– Сразу видно, что этот твой майор, самая настоящая штабная крыса! – Альфред Нетцке мысленно прокомментировал приказ майора Алексева. – В училище выучил наизусть армейский устав, в полном соответствии с его статьями и положениями сформулировал этот свой приказ. Решение всех вопросов этим приказом он переложил на плечи младшего по званию офицера, он сделает это, он сделает то, а сам же ушел в сторону от какой-либо ответственности! Этому твоему майору практически наплевать на то, что шестерых молодых призывников, необученных, не принявших присяги, а главное без оружия он снова посылает на верную смерть. В прифронтовой полосе пройти четыре километра, незамеченными противником, да такого просто не бывает! Вы обязательно столкнетесь или с вражеским разведдозором, или вас обстреляют из минометов, артиллерии! В нашем Вермахте таких штабных крыс тоже полным-полно, они своего носа на линию фронта не кажут! За то перед своим начальством любят повыпендриваться, постоять на вытяжку и утверждать, я мол выполнил это, я сделал то!

– Ну, и что же мне делать в этой ситуации? – Поинтересовался Васька. – Я же не могу не выполнять приказы старшего по званию командира. Он же целый майор, а я без года неделя, какой-то там сержант!

– В твоём подчинении пять молодых жизней! Ты в полной ответственности за их сохранение! Так что у майора вежливо потребуй, чтобы он свой приказ отдал бы тебе в письменной форме! Такой письменный приказ тебе, Васенька, ты мой, всегда может пригодиться, вдруг

по дороге в разведроту твое безоружное отделение встретит не немецкий дозор, а патруль НКВД. Энкеведешники не немцы, разговаривать с тобой не станут, а тебя сразу же к стенке поставят, решив, что вы дезертиры, бежавшие с фронта!

– Товарищ майор, разрешите обратиться?

– Обращайся, сержант! Ты, что, чего-нибудь не понял?

– Понять-то я понял, но в моей голове как-то все смутно! Да и боязно мне, первый раз на фронте, боюсь забуду последовательность ваших приказов! Не могли бы вы мне отдать приказ в письменной форме?! Читать-то я хорошо умею, все выполню так, как будет там написано!

– Ну, что же, сержант, мне кажется, что ты высказал разумную просьбу! Со своим отделением подожди меня здесь, я сейчас сбегаю в свою комнату в штабе, скоро вернусь и принесу свой приказ, отпечатанный на пишущей машинке! Так что жди, через минуту я вернусь!

Майору Николаю Алексею было тридцать два года, но бегать он пока еще не разучился. Василий с улыбкой наблюдал за тем, как эта штабная крыса, по словам его симбионта Альфреда Нетцке, со всех ног припустилась к зданию школы. Вскоре она исчезла за ее дверями.

– Парни, вольно! Можете расслабиться, разойтись! Нечего торчать фонарными столбами посреди голого двора! Хотя и вечер уже на дворе, авиация противника не дремлет. Она может нас навестить в любую минуту!

Словно отвечая его словам, на Одоевым проплыла эскадрилья немецких бомбардировщиков «Юнкерсов 88». Василий их опознал по специфическому ухающему рокоту авиационных двигателей. Еще во время боев на Западной границе он собственными глазами не раз наблюдал, как эти бомбардировщики своими бомбами обрабатывали позиции наших войск, оставляя после себя одни только руины и развалины! Но особенно тогда ему запомнился этот угрожающе ухающий рокот их двигателей, похожие на крики филина по ночам! Вот и сейчас эскадрилья в десять «Юнкерсов 88» пролетела высоко в небе. По всей видимости, эти бомбардировщики возвращались на свой аэродром.

В этот момент в дверях штабного здания снова показался майор Николай Алексеев. Махом своей руки, в кулаке которой был зажат листок бумаги, он подозвал к себе сержанта Василькова. Когда тот подбежал к нему, то этот листок бумаги он сунул в сержантскую руку и быстро проговорил:

– Сержант, обстановка на фронте резко осложнилась. Так что ты со своим отделением сдай немецкое оружие, сразу отправляйся в дорогу в Николо-Жупань. Извини, но отправляться в разведроту ты должен без ужина. Я только что созванивался с капитаном Игорем Дубасовым, он тебя с твоим отделением уже ожидает.

– Так точно, товарищ майор! Не беспокойтесь, все будет исполнено, как вы написали в приказе!

Глава 3

1

Громкая артиллерийская канонада слышалась со всех сторон, она то затихала в одном месте, то с удвоенной силой вдруг вспыхивала в совершенно другом месте. Призывники отделения сержанта Василькова, сбившись в кучку, шли следом за своим сержантом, с опаской всматриваясь в ночную темноту. Рокада, проходившая вдоль фронта, собой скорее напоминала колею, пробитую колхозными телегами, а не какую-либо там дорогу. Василий попросил-приказал призывникам Лихолетову и Николаеву выдвинуться вперед, в качестве передового дозора двигаться по рокаде, внимательно всматриваясь по сторонам, прислушиваясь ко всем в окружающую ночную темноту.

Бойцы его отделения вновь остались без оружия, свои трофеи они были вынуждены сдать в комендантскую роту дивизии. Старшина этой роты, получая чужое оружие, попытался разоружить и самого Ваську. Строгим голосом этот старшина от него потребовал сдать трофейный пулемет МГ 13, карабин «Маузер 98к» и пистолет «Вальтер». Только демонстрация письменного приказа майора Алексеева, а также угроза со стороны сержанта Василькова снова обратиться к майору Николаю Алексееву, его спасли от вопиющей несправедливости, лишиться всего трофейного оружия, с таким трудом добытого ими в бою!

Сейчас сержант, храня молчание, шел впереди группы призывников. Шедший следом за ним Афанасий Носов на своих плечах нес его МГ 13. Этого парня распирало от гордости за сержантское доверие, нести его пулемет. Трофейный карабин болтался за плечом Ивана Понкратенкова. Свой пистолет «Вальтер» Васька передал Николаю Лихолетову, ушедшего в передовой дозор.

Где-то влево от группы глухим стаккато вдруг прострочил немецкий пулемет МГ34 или МГ13, им звонкой трелью тотчас же отозвался наш «Максим». Наступившая было тишина в одно мгновение была нарушена сильной пулеметно-винтовочной перестрелкой. Почему-то сзади, за спиной группы призывников тоже послышалась трескотня винтовочных выстрелов. Но опять-таки эти пулеметно-винтовочная перестрелки продолжались очень недолго, вскоре снова на землю опустилась сторожкая тишина. Но ощущалось, что тишина и ночная темнота были насыщены какими-то не ясно выраженными угрозами, поэтому уральцы шли следом за своим сержантом, сбившись в кучку, испуганно озираясь по сторонам.

Они прошли три четверти своего пути до деревни Николо-Жупань, когда линия фронта, проходившая по левую от них сторону, вдруг снова разразилась частыми винтовочными выстрелами и пулеметными очередями. Только на этот раз эта перестрелка не ограничилась парой минут, она продолжалась и продолжалась.

Само собой, получилось так, что, как только снова была нарушена тишина, группа призывников сначала ускорили шаги, а потом уральцы побежали легкой трусцой. Перестрелка слева не прекращалась ни на минуту, уральские призывники незаметно для себя только что и делали, ускоряя свой бег. Они интуитивно старались, как можно быстрее, уйти подальше от этих выстрелов, но при этом постоянно натывались на спину своего сержанта. Своим равномерным бегом, Васька как бы их успокаивал своих уральцев, но он сам постоянно вслушивался, и всматривался в окружающую их темноту. Где-то впереди мелькнули силуэты изб какой-то деревеньки. Возможно, это была деревушка Николо-Жупань. Они тотчас же перешли на шаг, еще более внимательно всматриваясь в ночную темноту, вслушиваясь в наступившую фронтальную тишину.

В этот момент небольшой лесок, темневший в полутора километрах справа от их фронтальной рокады, осветился яркими вспышками оружейных выстрелов. Через пару секунд до Васькиных ушей донесся грохот артиллерийских выстрелов.

– Если судить по вспышкам, то огонь ведет трехорудийная батарея 76 мм дивизионных орудий. – Альфред Нетцке прокомментировал происходящее в темноте ночи. – И, если судить по частоте выстрелов, то можно предположить, что она ведет огонь по танкам! Я думаю, что сейчас ты должен своим парням, хотя бы в нескольких словах, объяснить, что происходит вокруг вас.

Васька, следуя совету своего друга, отозвал из передового дозора призывников Лихолетова и Николаева, затем всех ребят собрал вокруг себя.

– Парни, слушайте меня внимательно! Как мне кажется, сейчас мы находимся рядом с деревней Николо-Жупань?! Видите, вдали просматриваются силуэты изб, думаю, что и есть нужная нам деревушка. В ней сейчас должна находиться наша разведрота. Но, если судить по звукам выстрелов, зареву пожара на левом ее крыле, то в этой деревушке явно что-то происходит. На правом же ее фланге пока еще сохраняется тишина, никаких пожаров там не видно. Словом, сейчас мы пойдем в эту деревню, но пока у нас нет оружия, то мы должны быть очень осторожными, чтобы случайно не натолкнуться на немцев! В этой связи я приказываю призывникам Лихолетову и Понкратенко, один из вас имеет пистолет, другой – карабин, соблюдая меры предосторожности, пробраться в эту деревню. Мы будем скрытно двигаться вслед за вами обоими. В деревне вы должны выяснить, где находятся наша разведрота, а в какой стороне – противник?! Если вы случайно наткнетесь на противника, то в бой не вступать, а сразу же уходите из деревни. Если же в деревне находится одна только наша разведрота, то дождитесь, пока и мы в ней не появимся. То мы все вместе представимся нашему новому новому командиру. Итак, парни, вы прямо сейчас можете отправляться в разведку, мы же пойдем вслед за вами, отставая на сотню метров.

Колька Лихолетов с пистолетом в руках, Ванька Понкратенко с карабином а руках вьюнами винтились в темноту ночи, только изредка вдали освещаемую осветительными ракетами. Артбатарея прекратила вести огонь из своих орудий. Васька всеми фибрами своей души ощутил, что на батарее поднялась непонятная суматоха. Глазами в этой темнотище ничего нельзя было увидеть или рассмотреть! Афанасий Носов, Семен Власов и Степан Николаев каменными статуями застыли, стоя рядом с сержантом, ожидая дальнейших его приказов.

– Ты, Вася, пока у тебя имеется немного свободного времени, вспомни то, чему тебя учили на курсах спецназа в дивизии «Аненербе». Постарайся, перейти на свое ночное зрение, тогда тебе сразу же станет легче ориентироваться на местности в ночное время. – Обратился к нему Альфред Нетцке с дружеским советом.

И действительно небольшим усилием воли, а также частым миганием век глаз Ваське удалось перейти на ночное зрение. Вся местность вокруг него сразу же осветилась каким-то зеленым светом. В этом свете хорошо просматривалась рокадная дорога, силуэты изб, виднеющиеся вдали. Сержант Васильков тронулся с места, вслед за ним потянулись четверо уральских призывников. Небольшой группой они сошли с рокады, по едва заметной тропинке начали приближаться к избам, просматривающимся вдали. Как оказалось, эти избы находились на расстоянии от них всего лишь в пятьсот метров, если к деревушке идти по прямой тропинке, пересекавшей засеянное поле. Немного привыкнув к ночному зрению, Васька стал с большим вниманием всматриваться в окружающую их местность! Он стал более ясно различать деревенские избы, но его сильно беспокоила усилившаяся винтовочно-пулеметная перестрелка.

Теперь Васька был более чем уверен в том, что разведрота капитана Дубасова ведет ночной бой, отбивая атаки противника. Правда, он был несколько удивлен тому обстоятельству, что немцы ведут наступательный бой в середине ночи. В то время, как всем красноармейцам

было хорошо известно о том, что немцы вообще-то не очень любят воевать в темное время суток!

– Да, ты в этом прав, Василий! – Альфред подтвердил правильность вывода, к которому только что пришел Васька. – Мы немцы, весьма прагматическая нация! Зачем нам воевать по ночам, когда дневного времени вполне достаточно для того, чтобы хорошенько помордавать другую нацию на поле боя!

– Что же касается боя твоей разведротой, Василий, то мне кажется, что наступающий противник пытается ввести командира разведроты в заблуждение. Она имитирует наступление на левом фланге, куда твой капитан Дубасов бросил все силы своей разведроты, совершенно оголив правый фланг. К слову сказать, разведчики во все времена плохо разбирались в тактике и в стратегии ведения боя в наступлении или в обороне, так как их в основном натаскивают на выполнение боевых задач, действуя мелкими подразделениями! Видимо, командир разведроты сильно положился на артбатарею, надеясь, что она своим огнем надежно прикроет его правый фланг. Но, похоже, что у артбатареи только что закончились снаряды, поэтому она замолчала. Таким образом, правый фланг обороны этой деревни остался без прикрытия, сейчас там нет пехоту, перестала работать артиллерия! Василий, остановись на минутку, присмотришься вон к тем коробкам, пока еще движущимся по дороге за правым флангом. Поверь мне, Вася, это самые настоящие немецкие танки! Через час другой они проползут по улицам этой деревеньки, выйдут в тыл разведроты. Когда с ней будет покончено, то немецкое командование получит в свое распоряжение еще одну дыру-прореху в советской обороне, что позволит ему покончить с 217-й дивизией, ударив своими прорвавшимися танками по тылам ее полков.

– Альфред, прекрати заниматься уставным занудством! Я хорошо слышал о том, что по стратегии и тактике, когда ты учился в военной академии генерального штаба Вермахта, ты получал одни лишь пятерки. Ты бы лучше мне подсказал, как мы, шестеро парней, сможем помочь выстоять разведчикам, не позволить немецкому командованию в этом месте прорвать нашу оборону?

В этот момент мысленного обмена мнениями внезапно из ближайшего кустарника вдруг вынырнул весь запыхавшийся Колька Лихолетов. В зеленоватом свечении ночного зрения Васька успел заметить, что глаза этого парня поблескивали дьявольским светом. К тому же он тяжело и хрипло дышал видимо, ему пришлось бежать, сломя голову, в ночной темноте по незнакомой местности.

– Васька, давай, беги за мной, я кое-что хочу тебе показать! – Колька прокричал с сильным придыханием.

– Призывник Николай Лихолетов, ты, как ко мне обращаешься? А где, положенное «товарищ сержант, разрешите обратиться»? – Строгим голосом потребовал Василий.

Он решил для начала слегка охладить пыл своего призывника, напомнив ему о необходимости соблюдать уставные отношения даже во время выполнения боевого задания. Альфред Нетцке неоднократно ему вдалбливал в голову, что уставные отношения между офицером и рядовыми должны соблюдаться в любых ситуациях, даже в окопах на передовой. Услышав лед в словах сержанта, призывник Лихолетов сразу же подобрался, вытянулся по стойке смирно и уже более внятным голосом отрапортовал:

– Извини, товарищ сержант! Там на дороге мы натолкнулись на три грузовика. Похоже на то, что их немцы разбомбили перед наступлением темноты. Два грузовика из трех полностью сгорели, третий же остался практически нетронутым, его двигатель до сих пор работает. Но погибли все красноармейцы, сопровождавшие автоколонну.

– Хорошо, Николай! Иди, показывай нам туда дорогу. Мы пойдем следом за тобой! Парни, приказываю, всем следовать за нами, никому не отставать! – Подал команду Василий.

Он бежал вслед за Николаем Лихолетовым, на бегу он снял с плеча свой МГ13, взял его наперевес, чтобы быть готовым в случае необходимости открыть из него огонь. Путь

до разбомбленных немцами грузовиков оказался не таким уж долгим. Сначала они пробежали кустарник, а затем снова выскочили на рокадную дорогу, проложенную фронтовыми саперами для подвоза боеприпасов на огневые позиции артиллерийской батареи. Благодаря своему ночному зрению, Василий практически сразу же заметил на этой дороге полусгоревшие остовы нескольких грузовиков, находившихся от них в ста шагах.

– Да, ты не волнуйся, товарищ сержант! Здесь немцев нет, я с Ванькой Понкратенко все облазил вокруг. Ни единой живой души мы здесь так и не обнаружили. Здесь только убитые красноармейцы, никого другого радиусе полкилометра нет. Вон там, ты видишь силуэт грузовика. Темный силуэт этого сгоревшего грузовика просматривается на фоне чуть более светлого неба. Остальные два находятся за поворотом дороги, отсюда их не видно! – Пояснил Лихолетов, мгновенно сообразивший, почему сержант Васильков их остановил.

В этот момент на дороге показался второй дозорный, Иван Понкратенко, немецкий карабин он держал в своих руках.

– Товарищ сержант, – сказал он, обращаясь к Василию, – на дороге все тихо, в данный момент вокруг не наблюдается никакого движения. Вот только в районе деревни Николо-Жупань стрельба усиливается.

– Парни, – сказал Василий, обращаясь к бойцам своего отделения призывников, – продолжаем осторожно двигаться по дороге к грузовикам. В случае возникновения какой-либо опасности, всем немедленно залечь или укрыться в ближайшем кустарнике. Далеко бежать или метаться на одном месте запрещая, так могут нас всех поодиночке перестрелять! А теперь продолжим наше продвижение к разбомбленным грузовикам, Лихолетов и Понкратенко выдвигайтесь вперед, мы же будем следовать за вами в двадцати шагах.

Вскоре Васька вместе со своими бойцами-призывниками приблизился к первому грузовику, разбитого прямым попаданием авиабомбы, он сгорел дотла. Его водитель, видимо, был убит осколком авиабомбы еще в тот момент, когда он все еще находился в кабине грузовика. Через распахнутую дверцу кабины Василий увидел полусгоревший труп молодого парня, на его лице, сильно закопченном дымом, сохранилась улыбка.

Силой воли подавив рвоту, вдруг начавшую подниматься в животе, Василий обошел кругом останки грузовика. На другой его стороне он наткнулся на Илью Ковалева и Степана Николаева. Сняв с головы шапки, уральцы стояли, склонив головы, над телом еще одного погибшего красноармейца. Он был совсем молодым парнем, по возрасту их ровесник. Красноармеец лежал на спине, широко раскинув руки и ноги. Вражеская пуля пробила его грудь. Мосинка, его трехлинейная винтовка, валялась неподалеку от его тела.

В этот момент, видимо, сыграло воображение Васьки, он вдруг увидел картину того, как все происходило во время бомбардировки. Два «Юнкерса 87» атаковали колонну из трех грузовиков. Этот грузовик шел третьим в этой колонне, он был поражен авиабомбой на первом же заходе в атаку вражеских штурмовиков. Первый штурмовик атаковал колонну бомбами, второй обстреливал из пулеметов и из пушек. Васька увидел, как из кабины загоревшегося грузовика выпрыгивает, катится по земле этот молодой парень. Уже лежа спиной на земле, он подтягивает к себе свою мосинку, видимо, он хотел из нее стрелять по штурмовикам. Но пулеметная пуля второго штурмовика пробила ему грудь, оборвала жизнь молодому парню.

Сняв с головы шапку, Васька вместе со своими ребятами склонил голову над погибшем красноармейцем.

Второй грузовик оказался целехоньким, но оба красноармейца, сидевшие в его кабине, также погибли от пулеметного обстрела. Кузов этого грузовика ЗиС 6, как ему сообщил Афанасий Носов, залазивший в его кузов, был загружен снарядами ящиками. Видимо, у «Юнкерсов 87», как подумал Васька, закончились бомбы и боекомплекты, поэтому они не смогли уничтожить третий, последний грузовик колонны. В этот момент призывники Понкратенко, Николаев и Власов на плащ-палатке принесли, положили на дорогу раненого старшину.

Нагнувшись к старшине, Васька расслышал, как тот, находясь в бреду, шептал:

– Извините, товарищ капитан, не выполнил вашего задания! Совершенно случайно, практически на последнем перегоне мы попали под штурмовку и обстрел двух лапотников. Мы бы укрылись в лесу, но эти гады шли на низкой высоте над самым лесом. Поэтому мы сразу их не заметили, они неожиданно появились над нами, сразу же сожгли наш третий грузовик. Пашка и Степка погибли, ничего не успев сделать, их грузовик сгорел, снаряды взорвались, разнесли грузовик в клочья... Они сожгли и первый... У нашей батарее закончились снаряды... если я их не доставлю, то немецкие танки своими гусеницами...

2

Семена Власова, в недавнем прошлом колхозного тракториста, Васька посадил за баранку уцелевшего грузовика, дал ему в сопровождающие Степку Николаева. Перед этим раненого старшину они осторожно подняли в кузов, положили за кабиной прямо на снарядные ящики. Обоим парням сержант Васильков строгим голосом наказал, во чтобы то ни стало грузовик со снарядами они доставили бы на артбатарею. Ее огневые позиции находились всего лишь в полутора километрах от места, где грузовики попали под удар немецких штурмовиков. К ней вела наезженная колея дороги, пересекавшая колхозное поле, так что ребята вряд бы смогли бы заблудиться, разыскивая артбатарею.

Васька еще немного постоял на рокадной дороге, наблюдая за тем, как ЗиС 6 с небольшой скоростью движется по дороге-колее, постепенно утопая в вязкой ночной темноте. Когда грузовик совсем растворился в темноте и совсем исчез из его поля зрения, то Василий повернулся к трем призывникам, оставшимися в его распоряжении. Всего лишь за вчерашний и сегодняшний день черты лиц этих его уральских пареньков сильно обострились, щеки покрылись юношеской щетиной. Они прямо-таки мужали на его глазах, стали выглядеть взрослее, заметно старше своих возрастов.

Васька понимал, что солдатами сразу не становятся, для этого требуется время, участие в боях! Эти же уральские призывники всего лишь один день находились на линии фронта, но этот день в корне перевернул их прежнюю жизнь! Они познали горечь потери друга в бою, стали изменяться на его глазах, превращаясь в бывалых солдат, на своем горбу познавших, почем фунт лиха. Можно было бы и так сказать, что сегодня им доверь оружие, тогда они с ним смогут противостоять любому врагу! Но из шестерых парней-уральцев, в его отделении осталось всего лишь три призывника. Один погиб, вечная память молодому уральцу Василию Семенову, два других взялись за доставку снарядов на артбатарею. Васька, прощаясь с ними, сердцем почувствовал, что они уже вряд ли обратно вернуться, возможно, артиллеристами начнут воевать с фашистами!

С ним остались всего лишь трое уральских призывников, призывники Афанасий Носов, Иван Понкратенко и Николай Лихолетов. Они окружили Василия, только что подобные винтовки СВТ они крепко сжимали в своих руках. Ранее эти винтовки принадлежали красноармейцам, погибшим во время воздушного налета и бомбежки. Васька стоял, всматривался в лица окруживших его ребят. Теперь он был спокоен и уверен в том, что они, молодые уральцы, его теперь уж не подведут! Они уже больше никогда не выйдут из окопов с высоко поднятыми руками, сдаваясь немцам в плен! Как командир отделения, сержант Васильков был глубоко уверен в том, что он теперь всегда на них может положиться. Они его не подведут, не бросят в трудную минуту боя!

Василий на глазах своих друзей призывников внимательно осмотрел свой трофейный МГ 13, привел в боевое состояние. Парни вслед за ним защелкали затворами своих новеньких винтовок. Следуя примеру своего сержанта, они принялись готовиться к новому бою. Тем временем Василий лямку пулемета перекинул через правое плечо, повесив его таким образом, чтобы иметь возможность в любой момент нажать на пулеметную гашетку и свинцовой струей смести случайно встретившегося врага. Одним словом, сержант Васильков самого себя и свой пулемет привел к состоянию наивысшей боеготовности. Он был готов открыть огонь на поражение по противнику, как только тот появится в его поле зрения.

Уральские призывники свои винтовки оставили в руках, еще раз проверив заряжены ли они или сняты ли с предохранителей. Все четверо были полностью готовы тронуться в путь-дорогу. Повернув к ребятам голову, Василий приглушенным голосом им разъяснил, что они будут делать:

– Ребята, развернутым строем мы войдем в эту деревушку Николо-Жупань! Я пойду в центре строя, вы же будете двигаться слева и справа от меня! Во время движения по деревни будьте особо внимательными, осторожными! В случае обнаружения или столкновения с врагом, постарайтесь самих себя сразу же не раскрывать. огня не открывать! Если появится противник, то вы меня сначала предупредите, я же в зависимости от ситуации отдам приказ на уничтожение противника! Но, прежде чем мы тронемся в путь, я хочу вас всех троих еще раз предупредить об необходимости соблюдать предельную осторожность!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.